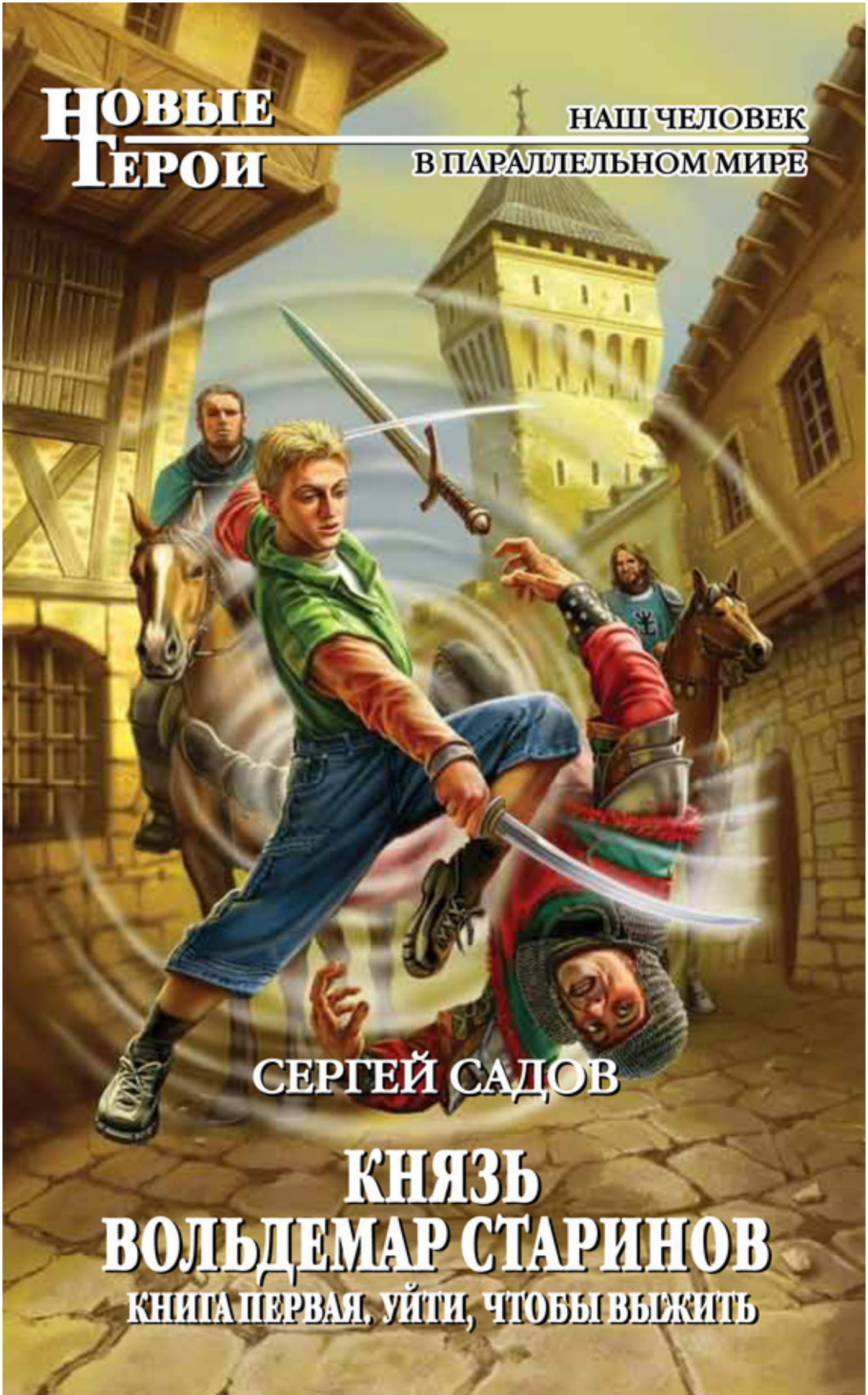
НОВЫЕ ГЕРОИ
НАШ ЧЕЛОВЕК В ПАРАЛЛЕЛЬНОМ МИРЕ
СЕРГЕЙ САДОВ
КНЯЗЬ ВОЛЬДЕМАР СТАРИНОВ
КНИГА ПЕРВАЯ. УЙТИ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

Новые герои

Сергей Садов

Уйти, чтобы выжить

«Эксмо»
2010

Садов С.

Уйти, чтобы выжить / С. Садов — «Эксмо», 2010 — (Новые герои)

Над Тортоном нависла угроза вторжения неприятельских войск. Один из крупнейших городов королевства Локхер замер в ужасе, заранее готовясь к грабежам и пожарам. И помощи ему ждать было неоткуда. Разве что из… нашего не слишком романтичного мира, где бандиты убили всех родных смертельно больного мальчишки. И мальчишке этому предстояло разделить участь многих беспризорников. Но судьба Володи Старинова совершила неожиданный поворот. Российским спецслужбам оказался необходим как раз такой, как он. Для него не пожалели ни дорогих лекарств, ни новейших методик боевой подготовки, ни сверхсекретной технологии перехода между мирами. И вот он уже не беспризорник Володя, а – князь Вольдемар, и спасение портового города Тортона в далеком королевстве Локхер зависит только от него.

© Садов С., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

От автора 5
Книга 1 6
Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 22
Глава 3 33
Глава 4 44
Глава 5 54
Глава 6 66
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Сергей Садов
Князь Вольдемар Старинов
Книга первая. Уйти, чтобы выжить

От автора

Прежде всего, по старой доброй традиции, хочу поблагодарить всех тех людей, которые жертвовали своим личным временем и помогали выловить в книге самые разные ошибки – маленькие и большие, смешные и грустные… Без их помощи я бы закончил проверку намного позже. Еще раз всем им большое спасибо.

Теперь немного о замечании, которое частенько делали мне люди, читавшие книгу… Я всегда был противником того, чтобы плодить сущности без необходимости, потому в своих книгах, если не было острой нужды, старался не вводить новые понятия. Мне совершенно непонятны замечания некоторых читателей о том, что в другом мире расстояния не измеряют километрами, название болезни иное и т. д. Я прекрасно понимаю, что в совершенно отличном от нашего мире другие меры и другие названия многих вещей. При не самой большой доле фантазии можно придумать им имена и перечислить их в виде справочника в конце книги, но зачем, если можно оставить привычные километры, градусы, титулы и тому подобные вещи? И читателю не придется каждый раз вспоминать, что означает, например, турантох и сколько это будет в граммах. Один раз я дал в тексте иную меру длины и название болезни, а дальше уже никогда к ним не возвращался, подразумевая, что все герои используют их, а для читателей предоставил перевод в привычные понятия. Если уж быть последовательным, то до конца: надо и титул для короля придумывать, поскольку он произошел от латинского Carolus – Карл. Вряд ли в том мире был Карл Великий, а значит, и титула такого там быть не может.

Поэтому, чтобы не создавать проблем ни себе, ни читателям, я использую привычные нам названия, подразумевая, что герои используют те, что приемлемы в их мире. Я – переводчик Promt, который переводит на русский иномирные слова и понятия.

Сказал вроде бы все, что хотел. А раз так, не буду больше утомлять уважаемого читателя своим речами. Приятного Вам чтения.

Книга 1
Уйти, чтобы выжить

Пролог

Мужчина с явно военной выправкой стоял у окна не очень богато обставленной комнаты и нетерпеливо постукивал пальцами по подоконнику. Внезапно он резко развернулся к сидящему за столом собеседнику, который что-то записывал в блокнот.

– Сашка, ты уверен?! Ты действительно все обдумал?!

– Ты же знаешь, что я всегда все обдумываю. Тем более в таком важном вопросе.

Мужчина у окна вновь стукнул по подоконнику.

– Но усыновление!!! С твоей-то работой!

– Я уже подал все документы, а до этого получил разрешение у начальства.

– Да ты посмотри на свою конуру!

– Раньше мне ни к чему было заниматься обстановкой.

– Не понимаю я тебя. – Чувствовалось, что мужчина сдался и теперь просто пытается разобраться.

– Я сам не понимаю, – признался Александр. – Но я никак не могу забыть глаза того мальчишки… Скажи, сколько людей из благополучных семей, не говоря уже о людях с улицы, способны забыть о себе и защищать друзей даже при угрозе собственной жизни?

– Ну…

– Вот то-то. Он заслуживает лучшего, и я сделаю все возможное, чтобы этот мальчик стал счастлив.

– Ну смотри, тебе с ним возиться. А то давай подыщем ему подходящую семью…

– Я сказал: нет.

В дверь позвонили. Александр Петрович вскинулся… Кого это несет? Никто вроде бы не должен прийти…

Он открыл дверь. В квартиру вошел человек с небольшим портфелем.

– Юрка, ты как тут? – Мужчина отошел от окна.

– Привет, Виктор, – протянул вошедший руку. – А тебя каким ветром сюда занесло?

– Да вот, пытаюсь отговорить это чудо… Но похоже, уже поздно. Ты же знаешь Александра – упертый, как баран.

Юрий сел за стол, достал из портфеля бумаги и вручил их Александру Петровичу.

– Это передали из больницы, – сказал он со вздохом. – Извини…

Александр Петрович быстро пробежал взглядом бумаги… Выронил листы…

– Господи… это точно?

– В таких случаях положено делать повторное обследование, но… Извини, Саш, но не думаю, что это ошибка.

Виктор поднял выпавшие листы и тоже просмотрел. Выругался.

– Рак?

– Костного мозга.

– Шансы?

Юрий покачал головой:

– Слишком поздно. Болезнь, похоже, развивалась уже давно, и сейчас… – Он махнул рукой.

– И сколько ему осталось? – хрипло поинтересовался Александр Петрович.

– Полгода максимум.

Александр Петрович схватился за голову и опустился на диван.

– Скажи, за что ему все это? Столько пережил и… Неужели ничего нельзя сделать? Ты же врач!

– Но не господь бог! Есть методики лечения, но… они не излечат – продлят агонию, не больше.

– Сколько?

– Что сколько?

– Сколько эти методики дадут времени?

– Гм… Если бы Володя не жил на улице, я бы сказал о пяти годах, но так… три, три с половиной.

– Три года… Но это все равно лучше, чем ничего. Я… я не отступлюсь. Пусть три года, но я, черт возьми, сделаю эти три года самыми счастливыми для него!!!

Врач вздохнул.

– Ты знаешь, сколько стоит месячный курс по этим методикам? Как раз наши с тобой зарплаты.

– Но ведь есть какие-то фонды…

– Сашка, очнись!!! Фонды если и дадут, то тем детям, у кого есть шанс выздороветь! Никто не позволит тратить их на заведомого покойника. Или ты хочешь воспользоваться своим положением? И кого решишь лишить жизни ради того, чтобы на три года продлить жизнь этому мальчишке?

– Но… – Александр Петрович запнулся. – Он не заслуживает такого…

Виктор, до этого молча слушавший беседу, взглянул на врача:

– Юр… помнишь данные по обследованию добровольцев?

Врач сначала даже не понял о чем речь, потом сообразил:

– Ты что, с ума сошел? Ты вообще думаешь, о чем говоришь? Это же билет в один конец!! По сути, смертник… – Врач осекся и задумался. – Смертник…

– О чем это вы? – удивился Александр.

Виктор довольно эмоционально начал объяснять:

– Это единственный шанс. Вы сами говорили, что современные методики лечения дадут ему только три года, а тут есть шанс подарить ему жизнь.

– Но цена?! – возразил Юрий.

– Больше жизни?

– Я полагал, что ты против этой авантюры своего друга.

– Но я и не могу смотреть на его страдания. А после такого он точно что-нибудь сотворит.

– Вы оба сумасшедшие! – всплеснул врач руками. – Впрочем, делайте что хотите. Сам все равно вам не позволит…

Как Александр Петрович убеждал директора поддержать их сумасшедшую идею, осталось загадкой для всех на Базе. Возможно, ему бы это не удалось, но к директору явилась целая делегация с поддержкой просьбы.

– Дурдом, – прокомментировал это Коршунов, разглядывая стоящих перед ним навытяжку Воронова, Дмитриева и Золотова. – Вы всерьез предлагаете отправить туда ребенка? Вы понимаете, что с нами сделают за такое? Вы понимаете, какие у него шансы там?

– А какие здесь? – поинтересовался Александр Петрович.

– Я вот тут все продумал. – Виктор Андреевич вышел вперед и положил перед директором Базы папку. – Наш эскулап… простите… Юрий Михайлович гарантирует, что сможет дать три года жизни мальчику, если начать его лечить. За это время мы успеем подготовить мальчика, и у него окажутся неплохие шансы…

Директор без особого интереса пролистал документы.

– Вижу, подготовился. Целый план… Вы понимаете, что я не могу такое принять? Что я не решаю эти вопросы? – Коршунов задумался. – Завтра я вылетаю в Москву с докладом о работе нашей экспериментальной лаборатории… Единственное, что могу вам пообещать, – доложить о вашей инициативе. Вы же понимаете, кто курирует наш проект?

– Спасибо…

Директор вернулся через неделю и вызвал всех троих к себе в кабинет. Долго молчал.

– Знаете, что мне пришлось выслушать по поводу вашей идеи? Не знаете! Я бы передал, но, боюсь, обидитесь…

– Значит… – Александр Петрович нахмурился.

– Ни черта не значит!!! – рявкнул директор, с силой хлопая по столу, который аж подпрыгнул. – Я как идиот там бегал, доказывал всем выгоду! Чуть ли не до президента добрался… В общем, разрешение получено и проект «Надежда» официально запущен… А теперь вон! Воронов! Останься.

Директор встал и неторопливо прошелся по кабинету. Остановился напротив Александра Петровича.

– Знаешь, что убедило руководство согласиться? Не перебивай, дослушай до конца. Никто не пошел бы на такое, никакие аргументы не помогли бы… Но однажды человеку, на которого у меня была вся надежда, попался твой доклад о том, как ты нашел этого ребенка. Там были и те слова, которые Володя тебе сказал… Что-то типа: не трогайте остальных, а со мной делайте что хотите…

– Я помню, – тихо ответил Александр Петрович.

– Вот-вот. Помни! И сделай так, чтобы этот твой Володя их не забыл. Эти его слова дали ему шанс. Мне было сказано, что человек, который так мало думает о себе ради других… Таких не часто встретишь, особенно в наше время. Особенно среди тех, кто… ну, ты понял. Если он там сумел остаться человеком… В общем, считай, что он сам себе дал этот шанс в тот момент, когда помогал другим, не думая о себе. Поскольку ты назначаешься его куратором, я хочу, чтобы ты постарался объяснить ему это…

– Спасибо… спасибо вам…

Дверь за Александром Петровичем закрылась.

– Мальчишка, – буркнул Коршунов. – Почему все уверены, что у меня нет сердца?

Чего на самом деле ему стоило добиться разрешения на этот проект, не узнает никто…

Глава 1

Светловолосый мальчик читал, удобно расположившись на кровати и подложив под спину подушку. Читал настолько увлеченно, что даже щелчок и легкий вздох открываемой двери лишь на миг заставили его насторожиться. Кивнув, он возвратился к чтению, не обращая ни малейшего внимания на происходящее. Вошедший грузный мужчина молча пересек комнату и сел на стоящий рядом с кроватью стул. Задумчиво оглядел мальчика и вдруг ударил, ударил настолько быстро, что его движение смазалось. Мальчик, не отрываясь от книги, небрежно, словно отгонял комара, махнул рукой, и кулак врезался в подушку рядом с его головой. Мужчина довольно кивнул, но выглядел не очень веселым.

– Время подходит, – заметил он. – Как ты себя чувствуешь?

– Болит все чаще. Врачи хотят увеличить дозу обезболивающего, но я против. – Парень со вздохом захлопнул книгу, положил ее на тумбочку и впервые взглянул на вошедшего.

Взгляд. Тот, кто впервые встречался взглядом с этим мальчиком, долго еще не мог забыть его глаза. Там словно поселилась пустота. Не пустота отсутствия разума, а пустота эмоций. Мальчик, зная об этой своей особенности, сразу же начал глядеть поверх плеча мужчины, от чего стало казаться, что он о чем-то глубоко задумался.

– Может, напрасно? Тебе будет полегче…

– Полегче мне будет только в одном случае, и вы это знаете. Что врачи говорят? Сколько мне осталось?

Мужчина опустил голову.

– Немного… Но если у нас получится, то вся твоя жизнь, сколько бы она ни длилась.

– Может, я зря согласился… еще чуть-чуть и все закончится… Как вы думаете, ТАМ действительно можно будет встретиться с родителями и сестрой?

– Дурак!!! – Мужчина вскинулся, но тут же взял себя в руки, приподнял книгу и, явно чтобы сменить тему, произнес: – «Государь» Макиавелли? И что можешь сказать?

– Цинично, – после небольшой паузы отозвался мальчик. Судя по всему, он и сам был не очень доволен своим срывом. – Цель оправдывает средства.

– Ты не согласен?

– Ну почему? По-своему он прав, вопрос только в том, какую цель ставить.

– Так ты, значит, одобряешь?

– Нет.

Мужчина хмыкнул.

– Твою логику, как обычно, понять невозможно. Ты же только что говорил, что Макиавелли прав.

– Он описал действия, с помощью которых можно добиться цели. С ними я согласен. А второй ваш вопрос был про одобрение этих действий.

– Ну-ка, ну-ка? – Мужчина с интересом глянул на собеседника.

Мальчик нахмурился, но тут же его лицо вновь стало спокойным.

– Одиночество, – наконец выдал он.

– Что? – такого наставник точно не ожидал.

– Тот, кто пойдет этим путем, будет одинок… А я знаю, что такое одиночество… – Мальчик прикрыл глаза.

Одиночество… Нет, Александр Петрович вряд ли меня поймет. Я с огромным уважением отношусь к моему наставнику, но тут… чтобы понять, это надо пережить.

– Папа, быстрее!!! – Я нетерпеливо прыгал у лифта, не забывая показывать Ленке язык.

Сестра дулась.

– Володя, прекрати! – Мама дернула меня за руку. – Ты же старший и должен показывать пример.

– А она первая начала, – наябедничал я.

– Как маленький, честное слово. И не скажешь, что уже восемь лет.

– Так, орлы, едем. – Папа подхватил меня на руки и внес в кабину лифта. – Споры прекратить!

Внизу, у подъезда, нас ждал папин друг – дядя Игорь. Он мне никогда не нравился. Да и маме тоже. Она всегда хмурится, глядя на него, и отворачивается. Дядя Игорь улыбался.

– Ты чего тут? – мрачно спросил папа. – Я же сказал: все потом.

– Это срочно, Виктор. Барон совсем оборзел. На нашу территорию лезет…

– Не при детях! – рявкнул отец. – Сказал, вернусь и разберемся.

А почему? Мне тоже интересно. И я даже знаю, что мой папа – авторитет! Непонятно что такое, но звучит очень значительно! А вот маме почему-то не понравилось, когда я в школе друзьям похвастался на их вопрос, кем работает мой папа. Странные эти взрослые.

– Как бы поздно не было!

К подъезду подъезжала «Лада». Я уже знал, что эта машина «западло» и что «бумер» намного круче. Чем круче, правда, не знал и теперь старательно изучал машину. А водитель какой-то неумелый попался. Зачем-то начал газовать. Папа вдруг вздрогнул и столкнул меня с крыльца… И тут раздались выстрелы. Совсем как в кино. Пули защелкали по стене дома… Сначала даже интересно было.

Я выглянул из-за скамейки.

– Пап, мне больно, – хныкнул я на всякий случай. – Пап… Мама…

Я замер у крыльца, удивленно разглядывая лежащих родителей и сестренку. Чего это они? И тут до меня дошло…

– Нет!!! – Я бросился к отцу, но был перехвачен дядей Игорем. В его взгляде была такая ненависть…

– Жив, гаденыш, – прохрипел он. – Паршиво.

Я во все глаза смотрел на него, потом отчаянно задергался, что-то крича. Если бы дядя Игорь не был ранен, вряд ли бы у меня получилось убежать, а так я вывернулся и бросился в уже начавшуюся собираться толпу.

– Остановите мальчика! – закричал дядя Игорь мне вслед. – Это его родители! Остановите!

Поздно. Я уже мчался по улице, не разбирая дороги, слезы застилали глаза. Куда и зачем я бежал – было совершенно непонятно, да и не важно. Но одно я понимал твердо – возвращаться нельзя. Нельзя ни в коем случае.

Сейчас, почти пять лет спустя, я уже мог трезво оценить тот случай и понимал, что остался жив только чудом. Интуиция, догадка, предвидение, а может, и сам Бог помогли мне тогда. Попадись я кому из папиных знакомых, и меня не нашла бы никакая милиция. Ясно, что отца сдали свои. Сдали тому самому Барону. Я понимал, что мой отец не безгрешен. Догадывался, что на его руках много крови. Если бы убили только его, я бы горевал, но… понял бы, может быть… Но со смертью сестры и мамы я смириться не мог. Эта боль навсегда поселилась во мне, отравив и растоптав мое детство. Еще несколько мгновений назад у меня было все, а теперь я был один на всем белом свете, один в восемь лет…

Я бежал долго, пока не заблудился. До вечера бродил по городу, пытаясь отыскать дорогу неизвестно куда и непонятно зачем. Когда стемнело, пристроился за гаражами и лег, ни на что не надеясь и ничего не ожидая. Там меня и нашел Гвоздь…

– Так Государь не сможет ни на кого опереться, – попытался мальчик развить мысль. – А быть одному очень плохо.

– Вспомнил родителей?

Отрицать очевидное мальчик не стал и кивнул.

Наставник поднялся и неторопливо прошелся по комнате. Остановился и обернулся:

– Готовься. Умники уже собираются запустить свою установку. Будут подбирать «окно» по твоему запросу. Прости… Жаль, что только это мы и можем сделать.

– Спасибо… Я бы хотел побыть с вами подольше…

Александр Петрович резко отвернулся, быстро провел рукой по глазам, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел. Вот вам и железный человек…

– А почему все-таки мечи? – спрашивал Александр Петрович довольно часто, хотя мальчик и отвечал на этот вопрос неоднократно.

– С некоторых пор я ненавижу звуки стрельбы.

Наставник хмыкал, не веря. Но я не врал. Да, я совершенно спокойно стрелял из автомата, палил из пистолетов по мишеням, расходуя порой за день по нескольку пачек патронов. Никаких отрицательных эмоций при этом не демонстрировал и не испытывал. Руки не дрожали, призраки не беспокоили. Но мечи мне казались… честнее, что ли. Их я любил намного больше пистолетов, пулеметов и прочей стреляющей техники.

После ухода наставника мальчик еще некоторое время лежал, ни о чем не думая. Снова попытался читать, но понял, что смысл текста ускользает, и точным броском закинул книгу на полку. Заложил руки за голову и уставился в потолок. Скоро совершится то, к чему он готовился… точнее, его готовили целых три с половиной года. Никаких эмоций не было. Первое время, когда мальчик еще только поселился на Базе, его вечное спокойствие в самых непредсказуемых и сложных ситуациях поражало наставников. Да и странным оно было у ребенка, которому судьба отвела такой короткий срок жизни… Штатные психологи многое могли бы прояснить, но они хранили тайну, делясь своим мнением только с теми, кому положено его знать. Нет, он смеялся, плакал, веселился, но все это было поверхностным, словно пена морская, сдуваемая первым же легким ветерком. Он мог моментально, словно повернув выключатель, подавить все чувства и стать серьезным. Это умение здорово выручало его, когда он жил на улице, но об этом на Базе тоже знали немногие.

– Есть хочешь?

До меня не сразу дошло, что обращаются именно ко мне. Подняв заплаканное лицо, я увидел высокого парня в огромной кепке и отрицательно мотнул головой. Но в животе предательски заурчало. Парень хмыкнул, отломил кусок булки и сунул мне в руку. Я несмело откусил, а потом с жадностью набросился на еду.

– Ну и откуда ты, такое чудо, взялся?

Этот вопрос напомнил мне о произошедшем, и, совершенно забыв про булку, я, захлебываясь слезами, вывалил на незнакомца все, что произошло. Как подъехала машина, как я увидел папу, лежавшего у подъезда вместе с мамой и сестрой. Рассказал про страшного дядю Игоря и про то, как бежал по улице. Думал ли я, что подобная откровенность может быть для меня опасной? Нет, конечно. Ни о чем я тогда не думал, кроме того, чтобы просто выплакаться и высказать кому-то свою историю.

– Понятно. – Парень сел по-турецки рядом со мной. – Вот что, шкет, в историю ты, конечно, попал очень скверную. И если я что-то понимаю, домой тебе возвращаться нельзя. Со мной пойдешь?

Этот парень разговаривал со мной как со взрослым и действительно интересовался моим мнением.

– А потом папа и мама придут за мной? – поинтересовался я на всякий случай.

Парень вздохнул, встал и отряхнул брюки. Чище они от этого, впрочем, не стали. Он снова глянул на меня и нахмурился:

– Наверное, да.

– Тогда пойду.

– В таком случае давай знакомиться, – парень протянул руку. – Гвоздь.

Я хихикнул. С его ростом и в этой кепке мой новый знакомый и правда походил на гвоздь.

– Володя.

– Что ж, идем, Володя, в нашу берлогу.

Так началась моя жизнь в роли беспризорника.

Володя вдруг неуловимо быстрым и плавным движением перетек с кровати на пол и вот уже стоял на руках. Прошелся так по комнате, сделал кувырок вперед и встал. Небольшого роста, худощавый, но… было в его расслабленной позе что-то такое, из-за чего любой опытный боец трижды подумал бы, прежде чем напасть. Теперь было видно, что это вовсе не мальчик, а уже юноша. Он привычно осмотрел комнату со спартанской обстановкой: кровать, тумбочка, стул, в углу компьютер, а рядом книжный шкаф. Шифоньер у двери. На полу никакого ковра, только ламинат. Светлые обои.

Мальчик подошел к стене, и ее часть вдруг отъехала в сторону, открыв сейф. Набрав код, он потянул тяжелую дверцу и задумчиво оглядел содержимое, очень странное для комнаты подростка: два меча в ножнах и две кобуры с какой-то хитрой системой ремней. Привычным движением он взял с полки пистолеты, застегнул ремень, подтянул два ремешка. Теперь пистолеты оказались у него за спиной, располагаясь под небольшим углом друг к другу. Отработанным жестом он завел руки за спину, большими пальцами отстегнул ремешки кобур и выхватил оружие, проверяя, как взводится курок. Снова поставил оружие на предохранители и вернул обратно, после чего достал из сейфа мечи – чуть изогнутые, в темных деревянных ножнах. Ножны мальчик пристегнул к поясу и выхватил клинки длиной сантиметров шестьдесят, сделанные из темного, отливающего синевой материала. У основания мечи имели ширину примерно в три пальца взрослого человека, потом клинки плавно сужались и изгибались. И если у рукояти заточка была только с одной стороны, то уже где-то на расстоянии ладони от гарды она становилась обоюдной. По внешнему виду эти мечи предназначались скорее для режущих ударов, но острый кончик с одинаковым успехом позволял и колоть.

Крутанув их пару раз, Володя, словно продолжая движение, вбросил мечи в ножны, закрыл сейф и направился к двери. Можно было бы посчитать, что он просто рисуется, но все его движения были настолько отточенно-привычны, что сразу становилось ясно: с оружием он имеет дело каждый день и оно давно уже стало дополнением его самого.

Последний раз оглядев себя и убедившись, что все на месте, он вышел в коридор и, аккуратно прикрыв дверь в комнату, неторопливо зашагал к лестнице.

– Володя! Володь, подожди!

Мальчик чуть сбавил ход, но останавливаться не стал, только обернулся. Его догонял парень лет двадцати, в белом халате и с растрепанной шевелюрой. Он выглядел как ученый, у которого только что крайне неудачно прошел эксперимент и возбуждение еще не улеглось. Поравнявшись с мальчиком, он зашагал рядом.

– Ты куда сейчас? Хотя чего я спрашиваю, и так ясно, что в спортзал тренироваться, раз во всеоружии.

Володя промолчал.

– А ты все такой же говорун, – вздохнул парень. – Порой хочется дать тебе хорошенько по шее, чтобы встряхнуть.

Мальчик улыбнулся, остановился и раскинул руки в стороны.

– Давай.

Парень чуть попятился.

– Ни-ни. Для начала напою тебя снотворным, хорошенько свяжу и тогда… нет, еще ноги придавлю чем-нибудь тяжелым и вот тогда уж попинаю.

Володя задумчиво уставился в потолок.

– Надо в одежду иголки отравленные зашить, – наконец решил он. – Если кто-нибудь захочет попинать, то уколется и…

Парень озадаченно глянул на мальчика.

– Это шутка? – на всякий случай уточнил он.

– Да, – кивнул Володя. – О такие иголки сам раньше уколешься.

– Понятно… Извини, но я не всегда понимаю, когда ты шутишь, а когда серьезен. Шутки твои… специфические. Я чего тебя догнал-то? Ты слышал, что мы начинаем поиск подходящего «окна»?

– Да. Александр Петрович мне уже сказал.

– Хорошо. Тебя приглашают сегодня в шесть на заседание. Будут решать, куда тебя отправить.

– Я же ведь уже говорил, чего хочу, – удивился мальчик.

– Да-да, я помню. Все равно куда, лишь бы без пороха. Извини, но это очень расплывчато. Мы, ученые, всегда хотим точности…

– Виктор! Чтоб тебя!!! – Из-за угла вышел еще один человек в таком же халате, что и парень. Он чуть кивнул Володе, поправил большие роговые очки и сквозь них сердито посмотрел на Виктора. Тот даже съежился под этим взглядом. – Я тебя еще полтора часа назад отправил за результатами испытаний! Где тебя черти носят?!

– Простите, Николай Петрович, я… меня Антонина Николаевна попросила помочь, а потом меня просили разыскать Володю. – Виктор лихорадочно зашарил по карманам и наконец извлек флешку. – Вот предварительные результаты. Еле упросил аналитиков…

Еще раз для проформы обругав лаборанта, Николай Петрович забрал флешку и отправился обратно. Виктор облегченно вздохнул.

– Опять забыл? – спросил мальчик.

Виктор убито кивнул.

– Да все из-за Антонины, – попытался оправдаться он. – Пока ей там помогал…

– В конце концов тебя выгонят.

– Ага. Тебе-то легко говорить, с твоей памятью. Ты хоть раз чего-нибудь забывал?

– Я не родился с ней. Меня учили.

Учили. Ну да. Конечно, не сразу после того, как очутился на Базе. Первоначально просто подгоняли школьную программу. Еще бы, ведь почти полтора года не ходил в школу с тех пор, как погибли родители. Даже и то, что знал, забыл – для жизни на улице эти знания совершенно не нужны. Правда, сразу же начались и весьма специфические предметы: обязательно спорт с боевыми искусствами, причем такими, о которых я ни разу и не слышал. Потом фехтование и… тренировка памяти и внимания. Делали просто – сажали в кресло, пристегивали к нему, подводили провода, а потом на экране демонстрировали разные геометрические фигуры. Как только показывалась определенная, заранее названная фигура, требовалось нажать кнопку под правой рукой. Если не успевал или не замечал, било током. Не больно, но неприятно. Первое время было просто, но потом скорость смены фигур возрастала, я стал чаще ошибаться, а током било сильнее… Хочешь не хочешь, но внимательности

научишься. С тренировкой памяти было почти так же: выводился на экран текст, который надо прочитать и запомнить, а потом начинали мелькать слова, и требовалось указать на те, которые встречались в тексте. Еще упражнение с разными фигурами, которые нужно расставить в первоначальном порядке… никакие просьбы на мучителей не действовали. Дело даже не столько в сложности, сколько в боли, которая стала моим постоянным спутником, ибо ошибок первое время было намного больше, чем правильных ответов.

После одного такого сеанса ко мне подошел Александр Петрович – человек, который и привел меня на Базу.

– Ты же ведь мужчина, а значит, должен стойко бороться с трудностями. – Он сел рядом со мной прямо на пол.

Я угрюмо посмотрел на него:

– Вам бы так. Я готов учиться…

– Неправда. Ты так думаешь, но по-настоящему тебя может заставить учиться только стимул.

– Ага. Вам бы так.

– А я тоже через такое проходил, – Александр Петрович улыбнулся воспоминаниям. – Неужели ты думаешь, что этот тренажер создали специально для тебя? Скажу откровенно, меня током било намного сильнее. Из-за возраста тебе сделали скидку.

– Вас тоже так учили? – Я так удивился, что и про все обиды забыл, и про недавнюю боль.

– Да. И вот, смотри… – Александр Петрович поднялся, взял с полки первую попавшуюся тетрадь и протянул мне. – Открой на любой странице.

Я выполнил просьбу. Наставник забрал тетрадь и секунд пять внимательно просматривал текст. Закрыл и вернул мне, после чего отправился к столу, достал чистый лист и принялся быстро писать. Закончил и протянул листок мне.

– Сравни.

Я недоверчиво открыл тетрадь, положил рядом исписанный листок и старательно зашевелил губами, читая текст там и там, проверяя каждую буковку в формулах, правильность указанных размеров в чертеже.

– Вот это да!

– Вот видишь? Такая память очень сильно поможет тебе в дальнейшей учебе.

Дальнейшая учеба меня мало интересовала, но умение Александра Петровича настолько меня восхитило, что я даже попросил не делать мне никаких скидок на возраст. Но тут наставник оказался непреклонным.

– Эти параметры выбирал не я, а врачи. Большее напряжение может оказаться опасным для тебя. Да ты еще и от улицы не отошел – организм ослаблен. Тебя кормить и кормить.

Это да. Кормили на Базе очень хорошо. И никогда не отказывали в добавке. Но меня убедили не столько слова наставника, сколько его тон. Он не сюсюкал со мной, как многие взрослые на Базе, а разговаривал как с самостоятельным человеком, действительно стараясь убедить, а не заставить. А сюсюканье… оно задевало сильнее всего. После полутора лет жизни на улице я был опытнее многих из здешних так называемых взрослых, которым никогда не приходилось голодать и добывать себе пропитание в жестокой борьбе. Тогда я еще не знал о своем диагнозе, и когда взрослые порой смотрели на меня с жалостью, думал: это из-за того, что я лишился родителей…

И вот за это уважение к себе я относился к Александру Петровичу лучше, чем к остальным. Он стал для меня вторым близким другом после Гвоздя… Гвоздь… Мой спаситель и учитель жизни в этом жестоком мире, который мне еще предстояло познать. И четвертый близкий человек после родителей и сестры, которого я потерял и воспоминание о котором все еще отзывалось в груди глухой болью. Только много позже я по-настоящему оценил, как много

он для меня сделал. Именно благодаря ему я остался человеком, а не превратился в зверька – Маугли каменных джунглей. И он же уберег меня от многих соблазнов. И на Базе я оказался во многом из-за него – когда он запретил нам, ничего еще не знавшим и не понимавшим соплякам, над которыми по какой-то причине решил взять шефство, пробовать всякие «колеса», траву и другую наркоту. Сам курил и употреблял героин, но нас от этого защитил. Надеюсь, ему сейчас хорошо на небесах…

– Это все понятно, – Виктор хмыкнул. – Но знаешь, кто-то умеет анекдоты рассказывать, а кто-то нет.

Мальчик чуть склонил голову набок, подумал.

– Это шутка? Извини, но я не всегда понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно. Шутки твои… специфические.

Виктор откровенно заржал.

– Ну, ты даешь. Ладно, туше. Сразил. А я думал, у тебя чувство юмора отсутствует напрочь. Ни разу не видел, чтобы ты как-то реагировал на шутки.

– На твои шутки не реагировал, – поправил Володя.

– Ха! Хочешь сказать… нет-нет, не хочу даже знать, что ты хочешь сказать. Ладно, удачи тебе.

Виктор махнул рукой и умчался куда-то по коридору.

У входа в спортзал мальчик столкнулся с инструктором, который обучал его довольно специфическому предмету. Мальчик насторожился, когда тот дружески похлопал его по плечу.

– Слышал-слышал. Скоро уйдешь? – Инструктор задумчиво поглядел на него. – Жаль, что так получилось…

– Я уже смирился с этим, Константин Павлович.

– Не обманывай. Тебе тоже не очень хорошо. – Инструктор задумчиво покачал головой. – Мир несправедлив…

– Он такой, каков есть.

– В твоем возрасте такой взгляд необычен… Ладно, извини, Володя, мне сейчас некогда. Надо написать отчет по расходованию средств за этот месяц. Сегодня вечером обязательно увидимся.

Наставник сделал два шага, но вдруг обернулся:

– Да, кстати, будь так добр, верни мое удостоверение. Без него у нас тут не очень походишь.

Мальчик разочарованно вздохнул, достал из кармана брюк пластиковую карточку и кинул учителю. Тот поймал ее на лету и убрал обратно во внутренний карман пиджака.

– Растешь, – похвалил он. – Честно говоря, я не заметил, как ты его достал, но после разговора решил на всякий случай проверить все карманы. За это держи награду. – Константин Павлович вынул потертую записную книжку и протянул мальчику.

Володя удивленно распахнул глаза и лихорадочно зашарил по карманам.

– Я ведь следил за вами, – с некоторой обидой заметил он, забирая книжечку.

– Мы уже говорили на этот счет. Помнишь? Ладно, до вечера. Извини, действительно спешу.

Володя сердито посопел, но понимал, что обижаться глупо, и потому отправился дальше. На ходу он анализировал произошедшую встречу, пытаясь сообразить, в какой миг наставник вытащил у него записную книжку и как это проделал.

Спортзалом на Базе называли не один большой зал, как в школе, а целый комплекс помещений, предназначенных для разных занятий. Спортзалом тут была и беговая дорожка, и зал для фехтования, и даже тир, расположенный на два яруса ниже, куда вел большой лифт. Маль-

чик миновал тренажеры, кивая знакомым, встречающимся по пути. Лязгало железо, слышалось чье-то хриплое дыхание.

Вообще с этими людьми мальчик мало общался. Это были охранники Базы – профессионалы, прошедшие не одну войну. Как знал Володя, некоторым приходилось не раз выезжать за рубеж в весьма специфические командировки. В некотором роде они тоже были его учителями. Правда, все их преподавание заключалось в том, что они рассказывали ему о своих операциях. Весьма подробно, несмотря на то, что на некоторых из операций все еще стоял гриф «секретно». Даже его куратор Александр Петрович частенько не имел права присутствовать при таких разговорах.

Однако ни с кем из охраны Володя так и не сблизился. Может быть, именно из-за этого. Они ведь получили приказ ничего не скрывать, а многие операции проводились… в общем, не каждому понравится быть настолько откровенным с каким-то мальчишкой.

Пройдя через зал, Володя попал в широкий коридор, миновал несколько дверей и вошел в следующую. Этот зал был пуст, если не считать развешанного по стенам холодного оружия и простеньких скамеек вдоль стен. Мальчик пересек его и вошел в раздевалку. Прислушался к шуму воды в душе – похоже, кто-то только что закончил заниматься. Володя быстро переоделся в спортивный костюм и снова нацепил пояс с мечами и закрепил пистолеты. Конечно, без всего этого тренироваться удобнее, но надо привыкать.

Мальчик вышел в центр зала, достал из кожаных петель мечи в ножнах и положил рядом с собой, легко согнувшись в поясе. Прикрыл глаза и начал разминку. После нее сделал сальто вперед, пересек зал колесом, закончив его двойным переворотом в прыжке, и пошел крутить колесо в обратную сторону. Перекатившись рядом с лежащими мечами, он встал уже с ними и тут же развернулся, резко взмахнув руками. Сорвавшиеся ножны со свистом пересекли зал и пронзили фанерный щит-мишень, застряв в нем.

– На твоем месте я бы не злоупотреблял таким приемом.

Володя обернулся. Из раздевалки вышел невысокий щуплый мужчина, на ходу вытирая голову полотенцем. В старом мешковатом спортивном костюме, лысоватый. Володе он напоминал Сан Саныча из недавно просмотренного фильма «Не бойся, я с тобой». Такой же небольшого росточка мужичок, неприметный, одетый кое-как и… смертоносный. Инструктор спецподразделений по рукопашному бою учил не тем восточным единоборствам с руконогомашеством, а тому, что действительно поможет победить и уцелеть. Когда он еще только начинал тренировать Володю три с половиной года назад, мальчик ожидал чего-то типа занятий в стиле Шаолиня, как это показывали в фильмах. Ага. Первые занятия вообще оказались скучны до ужаса. Надо было просто замереть и стоять. Сначала так, потом вот этак. Потом бег, пока не начнешь падать от усталости, а после снова занятия на тренажерах.

– А когда вы будете меня учить драться? – возмутился я. От былого энтузиазма тех времен, когда мне сказали, что этот человек будет учить меня рукопашному бою, не осталось и следа.

– Драться? – делано удивился инструктор. – Я не собираюсь тебя учить драться. Я собираюсь учить тебя выживать. И побеждать.

– Как в фильмах показывают?

– Там показывают цирк. А я в цирке не выступаю, и потому – ныть перестань и делай что говорят. В бою главное не победить врага.

– Да? А что главное? – заинтересовался я.

– Главное – победить его максимально быстро! Понял? Там нет времени на оценку его сил и всякие правила. Все, что ведет к победе, – хорошо. Но и недооценивать врага не стоит. Понял?

– Нет.

– Ничего, со временем поймешь. Просто запомни, что идеальный бой заканчивается одним ударом. Второй нужен разве что для добивания. Но если ты все сделал правильно, то и второго уже не требуется.

– У меня комплекция не та, – с умным видом повторил я подслушанный разговор Александра Петровича с рукопашником. – Я маленький.

Я действительно всегда был небольшого роста. В школе мне никто не давал моих лет. На уроках физкультуры и в первом, и во втором классе я стоял последним. В третий я пойти не успел… Из подслушанного же разговора я понял, что стать высоким, о чем я мечтал в школе, получив от одноклассников прозвище Коротышка, мне не грозит.

– Не переживай. – Инструктор даже не улыбнулся. – Комплекция тебе не помешает.

– Ножны, хоть и укреплены и имеют острую стальную заглушку на конце, но все же не так прочны, чтобы выдержать такое обращение слишком часто. Прием для неожиданности, когда совсем прижмет.

Володя пожал плечами:

– С собой я возьму новые, а тренироваться надо.

– Логично. А не хочешь размяться? – Михайло Потапыч бросил полотенце на скамейку.

Вообще-то настоящее его имя было Михаил Иванович, но на Базе инструктора-рукопашника все называли Михайлом Потапычем. Прозвище прилипло к нему настолько прочно, что порой даже начальство обращалось к нему таким образом.

Володя покосился на клинки.

– Извини, – инструктор развел руками. – Но с мечами я не умею. Могу любой предмет превратить в оружие. Если понадобится, смогу сражаться и с мечами, но против мастера не устою. Господину Шутеру я не соперник.

– Я же не Павел Викторович.

– Ты нет. Но твои тренировки с ним я видел. Пойми, если бы этот бой что-то дал тебе, я бы не отказался, но для тебя он бесполезен. Ты не извлечешь из него ничего нового. С оружием, если, конечно, человек умеет с ним обращаться, любой будет сильнее человека без оружия.

– А как же класс бойцов?

– Я имел в виду – при прочих равных. Ясно же, что если против меня выйдет толпа каких-нибудь отморозков хоть с ножами, хоть с мечами, дело для них закончится больничной койкой.

– Вы считаете, что я с вами в одном классе? – Володя не смог скрыть удивления.

– Как мечник ты меня превосходишь. Я никогда не учился сражаться этими игрушками. Хотя… подожди. – Он подошел к стене и привычным движением выдернул из ножен большой нож, по форме напоминающий мачете, только много короче. – Давай попробуем так. Прошу.

Володя секунду о чем-то думал, а потом вдруг сорвался с места и молниеносно атаковал. От первого удара мечом инструктор уклонился, второй блокировал, но первый меч уже изменил движение и теперь угрожал шее – одним из преимуществ этих коротких мечей была их скорость. Они позволяли молниеносно менять угол атаки. Когда подбирали оружие для Володи, то именно на скорость делалась ставка, потому упор в занятиях был на пару мечей. И сейчас на наставника сыпались удары со всех сторон, не давая ему войти в ближний бой. Володя мастерски держал его на расстоянии, недоступном для ножа. Перед Михайлом Потапычем словно выросла стальная стена. Но вдруг он упал, на миг пропав из поля зрения мальчика… Володя скорее почувствовал угрозу, чем осознал ее, и не стал выискивать наставника, а просто мгновенно увеличил дистанцию, отскочив назад… и тут же буквально в нескольких миллиметрах от его живота мелькнул нож. Мальчик только и успел заметить, что развернут он не острием. Не разрежет, но животу досталось бы так, что потом еще долго пришлось бы, стоя на карачках, пытаться вздохнуть. Да, разница в классе на мечах была видна, но так же заметна и разница в опыте. Несмотря на то что мальчик обращался с мечами много лучше спарринг-партнера,

он так и не сумел создать ни одной угрозы. А вот наставник уже несколько раз вынуждал его отступать, разрывая дистанцию. В последний раз его не достали только чудом.

И вдруг наставник метнул нож. Метнул почти без замаха. Володя лихорадочно дернулся… От ножа увернуться удалось, но предотвратить сближение противника он не смог, и одна его рука оказалась зажата в стальных тисках и тут же онемела. Меч выпал. Володя махнул ногой, это было ожидаемо и легко заблокировано наставником; но удар оказался отвлекающим, и в следующее мгновение мальчик развернул второй меч, и теперь уже наставнику пришлось срочно разрывать дистанцию.

Володя замер, тяжело дыша. Правая кисть не действовала – очевидно, наставник пережал нерв и некоторое время оружие ею держать не удастся. Но сейчас, пока противник остался без оружия, надо атаковать, и Володя двинулся вперед, крутя мечом перед собой, не давая Михайлу Потапычу уйти в сторону и снова сблизиться. Если у того вновь получится войти в ближний контакт, то можно сразу сдаваться.

Но тут вдруг наставник расслабился и поднял руки.

– Сдаюсь.

Володя растерянно моргнул, но пока меч опускать не стал.

– Вы же говорили, что в бою…

– В бою? – Михайло Потапыч рассмеялся. – Володя, никакой бой не строится по принципу обязательно кого-то убить. Если, конечно, не брать задачу ликвидации конкретного человека, но там используют совсем другие средства. В бою же я бы просто постарался сбежать сразу, как только у меня не получилось справиться с тобой после того, как кинул нож.

– А как же стоять до конца? – с иронией поинтересовался мальчик.

– Я не в тех войсках служил, – серьезно ответил наставник. – Мои задачи несколько иные, и в моем случае «стоять до конца» равносильно провалу задания. Мертвый не сможет сделать дело и вернуться. Поэтому, если не получилось так – надо отойти, подумать и сделать по-иному. Так и никак иначе. Я и тебе пытался объяснить, что отступление с поля боя не всегда плохо.

Володя задумался.

– Я запомню.

– А сейчас без мечей не хочешь попробовать?

Мальчик вздохнул, потом покосился на правую кисть и чуть-чуть пошевелил пальцами. Левой рукой обхватил правое запястье и быстро нажал на несколько точек. Снова пошевелил и довольно кивнул.

– Проиграю ведь, – заметил он.

– Дело не в проигрыше или выигрыше, а в уроке, который ты извлекаешь из каждой схватки. Готов?

Мальчик убрал мечи в ножны, аккуратно положил их на скамейку у стены и кивнул. И в тот же миг Михайло Потапыч напал…

Спустя пять минут Володя, тяжело дыша, лежал на полу, придавленный левой рукой наставника, а правая сжимала его руку, выворачивая до хруста. Мальчик ударил свободной рукой по полу и хватка тотчас ослабла.

– Понял, что сделал неправильно?

Володя кивнул.

– Я меньше вас и легче, а полез в силовой бой. Но я думал, что для вас это будет неожиданным.

– Я и не ждал, но у меня опыта все-таки больше твоего и на такие примитивные ловушки давно не попадаюсь. А ты, прежде чем на что-то рассчитывать, все-таки оцени степень мастерства противника и его опыт. Одно дело хулиган с улицы…

– У которого опыта разных подлых ударов все равно больше.

– А я тебя не для спортивной арены готовил.

– Я к тому, что хулигана с улицы тоже недооценивать не надо.

Наставник изучающе глянул на мальчика.

– Личный опыт?

– Нет. – Володя отвернулся. – Просто видел.

Драка началась совершенно неожиданно. Я вместе с Жоркой и Милкой сидел недалеко от входа в метро, прося милостыню. Милка была еще младше меня, и ей люди подавали всегда больше. Большущие жалостливые глаза, растрепанные волосы, аккуратные лохмотья… я часто глядел на Милку, пытаясь понять, каким образом даже старые тряпки смотрятся на ней шикарной одеждой. Настоящего имени Милки никто не знал. К Гвоздю она попала раньше меня, говорила плохо и все время повторяла: «Милка». Может быть, так звали ее любимую кошку. Кто знает… а как она оказалась на улице и кто ее родители, она сказать не могла. Так и повелось с тех пор: Милка и Милка.

– Все-таки, миледи, не может быть, чтобы вас бросили, – сказал Гвоздь, задумчиво изучая девочку. – Откуда же вы? Может, с далекой звезды прилетели к нам?

Милка засмеялась.

– Со звезды, – радостно повторила она. – Конечно, со звезды.

– Ага, оттуда, – насмешливо бросил Мартынюк Иван по прозвищу Мартын и привычно добавил нечто непечатное, за что немедленно получил подзатыльник от Гвоздя.

– Как не стыдно, шевалье? Тут дамы! Чтобы больше я такого не слышал!

– А чего ты обзываешься? – всерьез обиделся Мартын, потирая шею.

– Я обзываюсь?

– Ну, это… ше… шелье какой-то.

– Да будет вам известно, дорогой мой невежественный друг, что шевалье в переводе с французского означает рыцарь.

– А-ааа…

Порой Гвоздь начинал изъясняться сложными оборотами. Разные «сэры», «шевалье», «кавалеры» так и сыпались. Красиво, но непонятно. Правда, он всегда потом все объяснял. Он вообще знал много разных историй. Рассказывал о Жанне д'Арк и партизане Денисе Давыдове, и о том, как открывал Америку Колумб. Особенно нас насмешило то, что плыл он в Индию и до конца жизни был уверен, что в Индию и приплыл.

Уже позже я узнал историю Гвоздя, которую тот нехотя рассказал в ответ на мои расспросы:

– Да ничего интересного, шевалье. Единственный сын вполне обеспеченных родителей. Надежда и опора. Начитанный мальчик. А потом один раз проявил слабость и ширнулся на дискотеке. Когда понял, что обратной дороги уже нет, сбежал из дома. Так что учитесь, сэр, на чужом опыте. И если увижу вас с наркотой – убью сам. Из милосердия.

Я закивал – видел, что Гвоздь не шутит.

– Вот и хорошо, если понимаешь. А сейчас марш на работу. И потом не забудьте купить молока – младшим оно полезно.

Младших было трое: Милка, Король, он же Славка Королев, и Дементус, он же Виктор Готов. Почему его так однажды назвал Гвоздь и что это слово значит, мы не знали, но Виктору кличка нравилась. Говорил, звучит зловеще. Работа же означала ходить по переходам и просить милостыню, а порой и кошелек стянуть у какого-нибудь раззявы. Но таким мы баловались редко – опасно. Это только у Вольки получалось. Он у нас мастер был по чужим карманам лазить.

Младших Гвоздь берег и ни на какие сомнительные дела не пускал. И даже признавая, что Милке одной подадут больше, никогда ее без сопровождения не отпускал. В этот раз

очередь нянчиться с ней выпала мне и Жоре. Тут к нам и подкатила компания. Ребята были незнакомые и откуда взялись – непонятно. Местные все знали, что мы работаем на Гвоздя, и с нами не связывались – боялись. Не нас, конечно. Ходили слухи, что однажды Гвоздь в драке убил троих взрослых мужиков, которые пытались увести девчонок. Зачем они им, я не понял, тем более те говорили, что будут о них заботиться. Но подоспевший Гвоздь, по рассказам видевших, рассвирепел, сразу вытащил нож и бросился на них. Одному удалось сбежать… Также говорили, что сбежавший пытался потом прийти с подмогой, но Гвоздь поговорил кое с кем, и когда показались машины мстителей, их просто забросали камнями. Правда, пришлось потом долго скрываться. Все это я не видел, а только слышал, но авторитет Гвоздя с тех пор был непререкаем. Среди же остальных групп он пользовался славой сумасшедшего.

– Мертвые, сэр Вольдемар, смерти не боятся, – ответил он мне, когда я прямо спросил, боится ли он умереть. Непонятно.

Так что прицепившиеся к нам явно были не местные. Жорка тут же вскочил и кинулся в драку, получил пару раз и отлетел к стене. Гвоздь появился вовремя: несколько секунд разглядывал противников, а потом молча ринулся в атаку. Тут-то мне и удалось увидеть несколько приемов… В ход шли и зубы, и локти, и ноги, и даже голова. Жорка снова вскочил и бросился в схватку. Милка хлюпала носом, а я упал на пол и стал кусать чужие ноги. Пару раз мне досталось по голове, один раз дали по почкам, не сильно, но больно. Я рассердился и теперь не только кусался, но и царапался. Драка закончилась появлением милиционера и всеобщим драпом. Эту свою первую драку я запомнил очень хорошо. Потом Гвоздь мне выговаривал:

– Вы, сэр Вольдемар, как маленький – всякую гадость в рот тащите. А если отравитесь, что мы делать будем? Вы нас сильно этим опечалите.

– А чего они? – угрюмо повторял я.

Слова, что говорил Гвоздь, я вроде бы все понимал, но в их общем смысле был не уверен. Потому на всякий случай только огрызался.

– Они хамы, но вы-то, сэр Вольдемар! Надо будет вам кое-что показать.

Показанные приемы были крайне нечестны, но зато действенны, в чем я убедился позже – эта драка оказалась далеко не последней в моей карьере.

– Хотя, – нехотя признал он, – и личный опыт тоже есть.

Наставник, похоже, понял его состояние и только хлопнул по плечу.

– Позанимайся еще немного. Думаю, это тебе поможет.

Мальчик молча кивнул. Но вдруг скривился от боли и, хотя тут же взял себя в руки, наставник заметил.

– Ты сегодня колол лекарство? – поинтересовался он, наклоняясь.

Скрывать смысла не было – обмануть Михайла Потапыча еще ни разу не удавалось, и Володя отрицательно качнул головой.

– Ну и ради чего ты это терпишь?

– Это еще ничего… А ваше обезболивающее уже все равно плохо действует. Врачи говорят, что надо переходить на более сильное… а у меня к наркотикам свое отношение. Гвоздь ни за что не одобрил бы… Лучше потерплю.

– Значит, процедуры уже почти не помогают, раз такие приступы боли случаются. – Наставник вздохнул. – Времени почти не остается. Болезнь развивается быстрее, чем рассчитывали. Врачи надеялись еще минимум на полгода.

– Возможно, из-за тренировок.

– Возможно. Но, может, все-таки сходишь к врачам? Пусть наркотик, но после перехода последствий не должно остаться…

– А если останутся? Нет. Я лучше потерплю. Я привык к боли.

– Володя, не рассказывай мне сказки – я знаю, какая боль может быть от твоей болезни… взрослые на стену лезут…

– Вот когда полезу – тогда и соглашусь, а пока терпеть можно.

Володя демонстративно отвернулся и занялся разминкой: сел на шпагат и с каким-то остервенением начал делать наклоны: вперед, вытягиваясь в струнку, и назад. Вперед – назад.

Михайло Потапыч покачал головой, глядя на мальчика, и направился к выходу. Врачи говорили, что боль уже должна быть невыносимой, но этот парень… только при особо сильных приступах морщился, а так… даже и непонятно, действительно ли он болен. Может, это шутка, что жить ему осталось не больше двух-трех месяцев? Вся надежда на этот переход в один конец… Может, смерть лучше этого похода в неизвестность? Сам Михайло Потапыч не знал, что выбрал бы…

В коридоре он, все еще задумчивый, столкнулся с Александром Петровичем и ухватил за локоть раньше, чем тот успел позвать мальчика. Покачал головой.

– Ему сейчас лучше побыть одному.

Александр глянул поверх плеча Михаила и кивнул.

– Опять вспомнил прошлое?

– Кажется, он о нем и не забывал. К тому же, похоже, у него очередной приступ. Честно говоря, я не знаю, что с этим делать. – Михаил покачал головой.

– Приступ? Может, к врачам?..

– Ты прекрасно знаешь, что они скажут. Саш, ему уже не помогает лекарство и обезболивающее не действует, а переходить на что-то более сильное он отказывается категорически. Честно говоря, я не представляю, как он терпит. Надо поскорее перестать его мучить!

Александр вздохнул.

– Это я и без тебя знаю. Сегодня будет очередное собрание. Врачи еще месяц-два обещают…

Михаил хотел еще что-то спросить, но глянул на лицо друга и передумал. Только ободряюще хлопнул по плечу.

– Держись. Ему намного хуже, чем тебе.

– Он гораздо сильнее меня, Миш… Гораздо…

Глава 2

Ровно в шесть Володя прошагал через просторный холл, уставленный огромными бадьями с небольшими деревьями, и вошел в кабинет. Здесь уже собралось и руководство проекта с куратором – Александром Петровичем, и ученые. Похоже, ждали только его. Володя поздоровался, прошел к своему креслу и сел. Виталий Дмитриевич, «директор всего этого балагана», как любил говорить куратор, откинулся на спинку большого черного кресла, снял очки и соединил перед собой кончики пальцев.

– Итак, дамы, господа, прошу. Кто первый?

Поднялся мужчина в белом халате с красивой окладистой бородой. Откашлялся.

– Вчера я положил вам доклад, в котором объяснил, что время подходит…

Взрослые посмотрели на Володю тем взглядом, который он ненавидел больше всего – сочувствующим. Он опустил голову и сжал кулаки под столом.

– По словам врачей, у нас осталось не больше двух месяцев. Два месяца – крайний срок, дальше мальчик уже не сможет ходить и начнет быстро терять силы. В связи с этим пора начинать поиск подходящего мира… либо сворачивать все эксперименты.

– Ну что ж… Володя, а ты что скажешь?

Мальчик встал.

– Я уже говорил, Виталий Дмитриевич.

Александр Петрович тихо вздохнул. В наступившей после слов Володи тишине его вздох услышали все.

– Иннокентий Павлович, сколько вам времени надо для завершения всех дел? – поинтересовался Виталий Дмитриевич у бородача, прервав неловкую паузу.

– Месяц. Во-первых, надо подготовить самого мальчика. Последний осмотр, обязательно недельный карантин, подготовить необходимые вещи. Ну и некоторое время на поиск подходящего «окна». Как просил молодой человек: чтобы там не было пороха.

– Володя, а почему такая странная просьба? Почему бы не выбрать мир более развитый? Возможно, даже превосходящий наш.

– Если превосходящий – значит, более забюрократизированный, – без особых эмоций ответил мальчик. – И трудно оценить, как они вообще воспримут такого пришельца. Социальную культуру ведь роботами за три дня не выявишь. И если мне там не понравится, уже не вернешься.

– А почему не взять более просвещенное время? – поинтересовался кто-то из ученых.

– Если проводить аналогию с земной историей, какое время у нас вы называете более просвещенным? Последнюю ведьму в каком году сожгли?

– Ну, до этого их сжигали в гораздо большем количестве.

– Зато и контроля меньше. Полагаю, меня учили не зря и случайных неприятностей мне избежать удастся.

– Пусть так, однако ты же поставил условие, чтобы вообще огнестрельного оружия не было. Даже самого примитивного.

– Я не люблю, когда в меня стреляют. – Володя мог бы еще добавить, что время до того момента, когда кольт сделал всех равными, ему казалось… честнее, что ли. Когда схватки велись лицом к лицу, а не на расстоянии в тысячи километров. Однако понимал, что этот аргумент будет не очень убедительным и очень смешным.

– Считаешь, что получить стрелу из лука приятней, чем мушкетную пулю?

– Она медленнее. И ее можно поймать. – Тоже слабый аргумент. Хотя… а чего доказывать-то? Мальчик вскинул голову. – Понимаете, для меня это билет в один конец. Пройти через

«окно» второй раз не удавалось никому. Значит, в том мире я должен жить и как-то устраиваться, потому и хочу попасть туда, где все мне будет по нраву.

– Логично, – кивнул Виталий Дмитриевич. – Иннокентий Павлович, после заседания подробно расспросите Володю о том, куда он желает попасть, и постарайтесь сделать так, чтобы найденный вами мир максимально удовлетворял всем его пожеланиям. А пока продолжайте.

– Да я, собственно, уже закончил. Если решение об отправке принято, будем готовиться. Надо только со сроками разобраться.

– А вот для этого мы сегодня и собрались. Юрий Михайлович?

Поднялся еще один мужчина.

– Полный медосмотр мы проведем за три дня. Дальше все зависит от результатов. Без него ни о каких сроках говорить нельзя.

– В таком случае с завтрашнего утра приступайте. Володя, у тебя есть пожелания?

Мальчик отрицательно покачал головой.

– Хорошо. Будем считать, неделю отдаем врачам. За это время всем техническим службам провести полное тестирование оборудования. Особенно того, что будет переправлено через «окно». Аркадий Николаевич, вы за это отвечаете. – Тот, к кому обратился директор, кивнул и что-то пометил у себя в блокноте. А директор уже повернулся к куратору Володи: – Александр Петрович, вы отвечаете за подготовку личных вещей Володи. Володя, подготовительный этап займет не меньше месяца. Так? – Директор вопросительно глянул на врача.

Тот кивнул:

– Мы попробуем один экспериментальный образец и, думаем, могли бы еще дать полгода, но…

– Это риск, – вскинулся Александр Петрович.

– Верно, – согласился с ним директор. – Давайте не будем ставить экспериментов, тем более, как я понимаю, это ваше лекарство еще не опробовано. Нам нужен месяц.

– Судя по течению болезни, – вздохнул врач, – Володе осталось не больше трех месяцев. И с каждым днем приступы будут все сильнее и сильнее. Полагаю, что этот месяц последний, когда он еще сможет продержаться без сильнодействующих средств обезболивания, но дальше придется использовать наркотик.

Володя решительно покачал головой:

– Никогда.

– В таком случае крайний срок – месяц, – сказал директор. – Максимум полтора. За это время со своим куратором составь список всего, что тебе может понадобиться…

Совещание шло дальше. Володя слушал хоть и внимательно, но как-то безучастно и в разговоры не встревал. Директор же опрашивал руководителей различных служб и раздавал задания.

– Ну и напоследок, – Виталий Дмитриевич посмотрел на единственную в комнате женщину. – Мария Витальевна, подготовьте те задачи, которые необходимо будет решить для вас Володе после перехода. Вопросы есть? Нет? Тогда совещание окончено. Через три дня жду доклада от медицинской службы, после него согласовываем окончательные сроки. Всех руководителей отделов прошу подготовить планы по своим направлениям. Все свободны.

Александр Петрович догнал Володю у центрального выхода. Тот уже успел открыть дверь своим пропуском и теперь отмечался у дежурного. Куратор провел через рекодер свой и вышел следом.

– Хочешь прогуляться в лес? – поинтересовался он, пристраиваясь рядом, не совсем уверенный, нужен ли его подопечному сейчас попутчик.

Но Володя не выказал никакого неудовольствия.

– К озеру хочу сходить, искупаться. После того как начнется медосмотр, уже и не поплаваешь.

– Да, врачи у нас вообще звери.

– Это я помню по своему первому дню на Базе, – чуть улыбнулся Володя.

Александр Петрович рассмеялся.

Как только вертолет приземлился, к нему бросилось несколько человек с носилками, на которые меня, несмотря на все сопротивление, уложили. И даже пристегнули ремнями. Стало страшно. У нас много историй ходило о том, что некоторые люди крадут беспризорников и продают их на органы. Я в эти истории мало верил, но сейчас… Одно успокаивало – не стали бы ради меня одного устраивать такой спектакль с Милкой, Жорой, Королем и другими. А раз так, то берут меня вовсе не на органы. Однако когда меня засунули в какую-то здоровенную трубу, я начал нервничать, несмотря на все успокоительные речи окружающих. Правда, ничего страшного не произошло. Что-то загудело, заморгало. Люди, которых я видел из открытого конца трубы, что-то активно обсуждали, бегали. Потом меня достали и повезли в другое помещение. Когда брали кровь, я ухитрился извернуться и цапнуть сестру за палец.

– Ну все, Зин, – рассмеялся один из врачей. – Теперь тебе придется прививки от бешенства делать.

– А давайте вы попробуете меня кольнуть, и ей не скучно будет! – огрызнулся я.

– Ого! А наше приобретение, оказывается, и шутить умеет, – удивился кто-то.

– Я вам не приобретение! – Я начал дергаться в удерживающих меня ремнях.

– Что здесь происходит?! – в помещение вошел тот самый мужчина, который и привез меня на Базу. Он сердито оглядел притихший персонал и подергал ремень, который стягивал мою грудь. – Что это и зачем?

– Александр Петрович, но вы только посмотрите, он кусается.

– Я бы тоже кусаться начал, если бы меня связали! Развяжите ребенка немедленно!

– А он не набросится на нас? – сердито поинтересовалась Зина. Не простила укус.

– Не набросится. Володя, – обратился Александр Петрович ко мне, – мы же с тобой договаривались, что ты будешь вести себя хорошо?

– А чего они? – буркнул я.

И правда, договаривались. И пусть даже на органы меня забирают, от слова не отступлюсь, хотя бы из-за того, что Александр Петрович сделал для Милки и остальных. А что со мной делать будут – уже не важно.

– Они всего лишь выполняют свою работу. Ты слишком долго жил на улице и потому врачи должны тебя осмотреть. Будь мужчиной.

– Буду, – буркнул я.

После чего меня отвязали. А раз так, то и взбрыкивать уже вроде как стыдно. А потом начался тот самый ад… Я много раз уже жалел, что меня все-таки отвязали – тогда хоть возмущаться можно было законно. Ну а раз уж обещал, приходилось терпеть.

Кто ж знал, что все растянется на неделю? А потом еще были две операции, меня мазали какими-то жутко вонючими мазями, погружали в ванную, заставляли дышать через трубочки… С тех пор врачей я возненавидел, тем более что вскоре все эти медицинские процедуры стали моей жизнью, а боль неизменной спутницей.

Конечно, когда я стал постарше, то ко всему этому относился уже совсем по-другому и даже лазил в озеро за кувшинкой, чтобы подарить ее Зине в качестве извинений за свой первый день на Базе. Сильно ее удивил тогда.

– Устроил переполох.

– Ну… а нечего меня было к носилкам привязывать. Справились с маленьким.

– Да уж. С тобой справишься. Маленький. – Александр Петрович замолчал, о чем-то размышляя.

– Скажите, – вдруг заговорил Володя, – а все-таки, зачем вы тогда мне помогли?

Александр Петрович вздохнул.

– Честно говоря, мне просто захотелось. Когда я увидел, как ты защищаешь своих друзей… Весь в крови, но такой отчаянно-решительный. Ну разогнал я тех подонков, но ясно же, что они потом вернулись бы. Вот и пришла мне в голову мысль забрать тебя с собой.

– А с остальными?

– Тут мне пришлось постараться. – Вряд ли Володя знает, чего стоило убедить руководство выполнить просьбу мальчика. Возможно, что эта просьба и предопределила всю его судьбу. Вряд ли он узнает, что его весьма похвальное стремление позаботиться о своих друзьях подарило ему единственный шанс на жизнь.

Они вышли к озеру, и мальчик уселся на траву, обхватив колени руками и задумчиво изучая сосны на другом берегу. Похоже, и про желание поплавать забыл. Александр Петрович пристроился рядом.

– Я ни о чем не жалею, – вдруг заговорил Володя. – Я вам действительно за все благодарен. Если бы не вы, мы бы все после смерти Гвоздя погибли. Нам не простили бы нашу независимость, а те, кто нас боялся, стали бы мстить. Так что, если бы вы не появились, лето я не пережил бы и без болезни. Мишка и Ромка тоже, скорее всего, погибли бы. А младшие… Этих пристроили бы. Особенно девчонок.

Володя поднял камень и метнул его, наблюдая, как он скачет по глади пруда.

Гвоздь умер тихо, во сне. Еще вчера рассказывал сказку про царевну-лягушку… Мне она была не очень интересна, поскольку я считал себя уже почти взрослым и предпочел бы дослушать до конца историю про трех мушкетеров, но Милка так просила, что ей уступили. Гвоздь ничем не показывал, что ему плохо. Мешковатый наряд и большущая кепка, которую он натягивал почти на глаза, не снимая даже в доме – большой, полуразвалившейся деревянной постройке, – скрывали и его фигуру, и лицо. Лицо в последнюю неделю Гвоздь прятал особенно старательно. Рассказывая сказку, он часто останавливался, переводя дыхание. Молчал. Милка, глупая, не понимала и торопила, а Гвоздь отшучивался. Хотя что Милка, никто не понимал. Будь здесь Мишка, он бы что-то, может, и сообразил. Но тот уже вторые сутки не ночевал с нами, занимаясь какими-то своими делами, обещая всем подарки после их завершения.

Закончив рассказ, Гвоздь велел всем ложиться и потушил свечу. Утром его разбудить не удалось…

Это была страшная трагедия для нашего небольшого мира. Для всех нас Гвоздь был царь и бог, под сильной рукой которого можно было жить. Он защищал от других беспризорников, заботился, кормил и лечил. Редко когда нам не удавалось добыть еды. По мере сил следил и за гигиеной, добывая для всех зубные щетки и пасту. А сейчас вдруг этого человека, который казался вечным, не стало. Тихо плакала Милка, ее как мог успокаивал Жора, хотя и сам часто моргал глазами.

Я не плакал. После гибели родителей и сестры я вообще почти не плакал. И улыбался редко, хотя мог изобразить и смех. Это я делал в основном для Гвоздя, который часто тревожно поглядывал в мою сторону, если я не принимал участия в общем веселье. Для него я научился изображать бурные эмоции. Но сейчас его не было, и что-то показывать я не видел смысла. Я словно закаменел. Да, не плакал, но беззвучное горе оказалось страшнее. В этот момент я проклинал тот миг, когда разучился плакать. Пытался выдавить из себя хоть слезинку, но не получалось. Так и стоял.

Гвоздя мы похоронили совместными усилиями на берегу реки. Специально выбирали место. Соорудили холмик. Оставлять тело не велел Мишка, который появился к обеду, застав нас всех сидящими вокруг Гвоздя.

– Сожгут ведь, – вздохнул он. Мишка был самым старшим из нас после Гвоздя, и теперь мы все ждали его решения. – А он всегда боялся огня. Надо бы похоронить.

Идею приняли все…

А дальше начались проблемы. Теперь многие, узнав, что мы лишились нашего вожака, перестали принимать нас всерьез. Гнали с выгодных мест, где больше всего можно было заработать, пошли предложения, которые никогда не осмелились бы сделать при Гвозде. Мишка пытался нас защитить, но… Однажды ночью ему кто-то заехал арматурой по голове. Мишка выжил, но с тех пор стал вялым, редко на что реагировал. Мы впервые познали голод. В один из таких моментов, когда младших уже совсем нечем было кормить, я и схлестнулся с компанией Гошки Фокина, которая попыталась турнуть нас с выгодного места. Я понимал, что если мы уйдем и не соберем ничего, то сегодня останемся голодными. Особенно жалко было Милку и Короля. Те тоже это понимали и беспомощно смотрели на меня. Смотрели, зная, что я ничем не смогу помочь. И не смогу защитить. Они вздохнули и стали собираться. Тогда-то я и взъярился. Заревев, бросился с кулаками на обидчиков. В первое мгновение мне даже показалось, что побеждаю, настолько неожиданной оказалась для врагов моя атака. Неожиданной и яростной. А потом мне заехали в ухо, в нос… Я не обращал внимания на боль, дрался за всех нас. Я не мог отступить, но силы были слишком неравны. Гошка, ухмыляясь, выхватил нож.

Гвоздь всегда запрещал нам брать с собой всякие колюще-режущие предметы. Говорил, что они только в неприятности втравят с милицией. Холодное оружие, как-никак. Другие же банды, пока он был жив, к нам не лезли. Но сейчас все изменилось, и я начал брать с собой найденный где-то плохонький перочинный нож. Два раза он помог нам отбиться. Вот и сейчас я понадеялся на него. Закрывшись от удара врага рукой, пырнул сам. Боли от пореза не почувствовал, зато тонкий вой Гошки показался мне музыкой. Нож выбили, меня пнули, и я покатился по земле. Удары сыпались со всех сторон. Вот в этот момент и появился Александр Петрович. Не вступая в разговоры, он молча ввинтился в драку и раскидал противников, как кутят. Те прыснули в разные стороны.

Я смотрел на склонившегося надо мной мужчину.

– Только мальков не троньте, – прохрипел я. – Они еще совсем маленькие. А со мной делайте что хотите.

Мужчина как-то странно дернулся. На скулах заиграли желваки. Он вдруг отвернулся и стал изучать что-то вдали. Мне было не видно. Но вот он снова посмотрел на меня, а потом осторожно поднял.

– А вы за мной. Поможете привести в порядок вашего защитника, – обратился он к малькам.

Король и Милка, бледные, несмело двинулись следом. Я хотел закричать им, чтобы убегали, но из горла вырвался только хрип.

Мужчина отнес меня к своей машине, достал из нее одеяло и велел малышне расстелить его. Положил меня, взял канистру с водой и стал старательно смывать кровь, Милка по его команде принесла аптечку.

– В рубашке ты, парень, родился, – заметил он, заканчивая перевязку. – Много синяков и ушибов, даже порез есть, но умудрился ничего не сломать.

Вокруг нас уже собралась толпа, приехали «Скорая», милиция. Один из милиционеров подошел к нам, но мой спаситель что-то показал, и страж порядка вдруг как-то растерял всю решительность, козырнул и начал отгонять зевак. А меня погрузили в машину «Скорой помощи». Милку и Короля сначала не хотели пускать со мной, но мой спаситель опять что-

то показал врачам, и все их возражения разом стихли. Всю дорогу до больницы малыши ревели в голос и не отпускали моих рук. Я как мог успокаивал их, пытался шутить. Врачи от их рева сначала морщились и ворчали, но к концу поездки уже молчали, только как-то странно посматривали на меня.

В больнице попытка разлучить нас привела к еще большему реву. В конце концов вмешался мой спаситель, который, оказывается, приехал следом за нами. Он переговорил с врачами, и те нехотя отвезли нас троих в какое-то помещение. В приемный покой, как я узнал позже. Милку и Короля оставили там, а меня покатили в операционную. Это была первая операция в моей жизни. Впрочем, ничего особо страшного там не делали – просто зашили порез и перевязали царапины. Потом что-то вкололи, и я погрузился в сон…

Сколько времени я спал, не знаю. Когда проснулся, рядом с кроватью сидел мой давешний спаситель и читал газету. Я не понимал, где нахожусь, потом вспомнил и стал искать глазами мальков. Мужчина отложил газету:

– Проснулся, герой? Как самочувствие?

– Где Милка и Король?

– Милка и Король, как я понимаю, это те двое ребятишек, которые с тобой были? Носятся по коридору наперегонки. Всех медсестер уже на уши поставили. Как им сказали, что с тобой ничего страшного нет, так и бегают теперь. Сколько им лет, кстати?

– Милке, наверное, пять. Она года два с нами живет. А Королю шесть.

Мужчина нахмурился, о чем-то размышляя. Я наблюдал за ним, не понимая, что ему нужно и вообще, кто он такой. Обычный костюм, обычная внешность. Встретишь в толпе и тут же забудешь… Хотя… было в нем что-то такое, что призывало к осторожности. За полтора года, что я прожил на улице, я научился улавливать такие моменты. В карман за кошельком я, по крайней мере, к нему бы точно не полез.

Тот словно мысли мои прочитал:

– Что ж, давай знакомиться, герой. Меня зовут Александр Петрович Воронов.

– Владимир, – буркнул я. – Друзья зовут Шкетом.

– С твоего разрешения, я буду звать тебя по имени, – улыбнулся Александр Петрович. – Володя, скажи, ты как на улице оказался? Сбежал из дома?

– Родителей убили, – ответил я. – Мне удалось убежать.

– Прости… – Александр Петрович действительно выглядел виноватым. – Не хотел напоминать, но мне важно было это знать. У тебя кто-то из родни есть?

– Не знаю. Одна бабушка умерла, другую не знал никогда. И дедушек тоже. Больше никого не знаю.

– Хорошо. Тогда давай обсудим с тобой твою дальнейшую судьбу.

– А чего обсуждать? Отпустите меня, и я уйду. И Милку с Королем заберу.

– Извини, но на улицу ты больше не вернешься. Буду с тобой говорить как со взрослым человеком. Теперь у тебя есть только два возможных пути. Первый – отправиться в детдом…

– Сбегу! – сразу отреагировал я.

– Почему это? – удивился Александр Петрович.

– У нас Машка была в детдоме. Она у Гвоздя раньше меня появилась. Сбежала из этого вашего детдома и много про него рассказывала. Потому и сбегу.

– Гм… Возможно, ей просто не повезло, но на улице у тебя будущего нет. И закончишь ты свою жизнь, скорее всего, в одной из драк, наподобие той, из которой я тебя вытащил. Неужели ты не хочешь получить образование?

– Не-а.

– Ну вот. А я еще как со взрослым с тобой разговаривал. Ну а второй вариант услышать хочешь?

– Так ведь все равно расскажете, хочу я или нет. Так что давайте.

– Однако ты не безнадежен, – заметил Александр Петрович. – По крайней мере, старшим не хамишь и на «вы» обращаешься.

– Да пошел ты… – тут же исправился я, но вызвал этим только улыбку.

– Итак, второй путь… Не хочешь стать моим сыном?

Вот тут я офигел…

– Что? – недоуменно переспросил я.

– Хочу тебя усыновить. Не будешь возражать?

– А если я буду против? – Вот не верилось в добрые намерения этого человека и все тут. Улица быстро отучает от наивности. Но… но очень хотелось поверить. Неужели у меня снова будет дом?

– Я уже говорил, у тебя два варианта. Первый ты не забыл. Второй – мое предложение.

– А можно подумать?

– Конечно, – улыбнулся Александр Петрович. – Я понимаю, что такое решение с ходу не принимают. И не сочти это шантажом, но на улицу я тебя не отпущу в любом случае – там ты погибнешь.

– А что будет с остальными?

– Это с твоими друзьями? Устроим их в детдома… Хорошие детдома, – увидел мою реакцию Александр Петрович.

– Тогда я не согласен! – отрезал я и отвернулся к стене, давая понять, что разговор окончен. – Куда они – туда и я.

– Почему? – удивился мой спаситель.

– Все равно все сбегут. И я сбегу – я малявкам нужен, они без меня пропадут. Старшие ведь должны будут добывать деньги на еду. Кто за ними проследит?

– Вот даже как… – Александр Петрович задумался. – А если я тебе пообещаю такой вариант, что твоим друзьям сбегать не захочется? Если они будут счастливы?

Я снова повернулся к нему:

– Если вы действительно поможете хорошо пристроить мальков, можете забирать меня хоть на органы.

– Хм… – Этот непонятный и загадочный взрослый задумчиво изучал меня. – Ты очень интересный человек… не зачерствел. Но чтобы все устроить, мне нужно время. Хотя бы три недели. Ты обещаешь пробыть эти три недели в больнице? Врачебный уход тебе не помешает точно.

– Обещаю, – буркнул я.

Ага. Ищи дурака.

– Ради твоих мальков. Если ты в самом деле так о них заботишься.

Поймал. Я вздохнул.

– Никуда я не денусь, пока они тут.

– Тогда договорились.

– А я ведь так и не поверил вам в тот раз в больнице.

– Я знаю, – чуть улыбнулся куратор. – Плохой бы я был разведчик, если бы не понял этого. Слишком ты мне тогда понравился своей самоотверженностью. Мне не хотелось, чтобы ты снова оказался на улице, потому и принял меры, чтобы ты не сбежал, пока я занимался устройством всей вашей компании.

– А если бы я все-таки отказался? – поинтересовался мальчик, разглядывая что-то в траве. – Куда бы вы меня, такого красивого и умного, дели?

– Ого, – удивился Александр Петрович. – Неужели ирония? От тебя ее нечасто услышишь. Ну а сам-то как думаешь?

– Поскольку тогда еще не знали о моей болезни… скорее всего, вы отдали бы меня в какой-нибудь специализированный детдом?

– Хм… Почему именно специализированный? Начитался газет? Нет, просто подыскали бы приличный. Но и там я о тебе не забыл бы, и не надейся. По крайней мере, бандитом точно не дал бы стать.

– Я знаю, чем заканчивают авторитеты…

Александр Петрович опустил голову:

– Извини. Не хотел напоминать.

– Да ничего, я уже смирился.

Володя резко поднялся и стал стаскивать с себя одежду. Разбежался голышом и сиганул в воду. Вынырнул метрах в десяти от берега и быстрым кролем поплыл через озеро.

Вволю наплававшись, он выбрался на берег и поспешно натянул одежду прямо на мокрое тело – комары тут звери, голым не очень-то побегаешь.

– Ты бы хотел встретиться со своими? – вдруг поинтересовался Александр Петрович.

Володя на миг замер, потом покачал головой:

– Нет. Пусть считают, что я умер – им ведь сообщили о моей болезни. Прощаться всегда тяжело.

Александр Петрович снова появился в больнице через две недели. За это время меня отмыли и откормили, хотя лечением как таковым не занимались. Держали как в санатории – и все.

– Пойдем, – с порога позвал он.

Удивленный таким приглашением, я поспешил за ним. Мой спаситель привел меня к какой-то двери, приоткрыл ее и предложил посмотреть. Я осторожно заглянул. В холле перед лестницей, нервно теребя платок, сидела какая-то женщина в бежевом брючном костюме. Рядом с ней стоял мужчина в коричневом пиджаке и черных брюках. Он нервничал не меньше. Еще один мужчина, гораздо спокойнее этой парочки, стоял в сторонке. Тут в коридоре показалась медсестра, ведущая за руку Милку, та, в свою очередь, тащила на буксире Короля. За эти две недели они не расставались ни на минуту: где Милка – там и Король.

Медсестра вывела детей в холл и тут же ушла, повинуясь жесту спокойного мужчины. Женщина вскрикнула и кинулась к Милке. Опустилась перед ней на колени, вглядываясь в ее лицо. Милка испуганно спряталась за Короля. Я чуть улыбнулся.

– Леночка, – сказала женщина. – Ты не помнишь меня? Прости меня! Прости! – Она подалась вперед и сгребла девочку в охапку. – Я твоя мама, Леночка!

Я вопросительно глянул на Александра Петровича.

– Пришлось потрудиться, – сказал он. – Отпечатки рассылали во все города. В конце концов вышли на случай двухгодичной давности. На вокзале потерялась девочка трех лет, следов отыскать не удалось. Проверили, вроде все совпадает. Эти и правда два года назад приезжали сюда. Мать на две минуты оставила дочь без присмотра, повернулась, ее нет. То ли сама ушла, глупая ведь, то ли кто увел, но почему-то бросил, сейчас уже не узнаешь. Наш сотрудник на всякий случай побывал у них дома, посмотрел фотографии, снял отпечатки пальцев – родители в комнате не убирались, до конца надеялись, что дочь найдется. Потом сравнили с отпечатками девочки.

Милка… нет, теперь уже Лена, плакала на плече у матери, при этом не отпуская руки Короля, который неловко топтался рядом, не зная, что делать. Ленку же словно прорвало, она, захлебываясь, принялась говорить о своей жизни, как ее нашел Гвоздь, как рассказывал сказки, как они удирали от милиции и как попрошайничали. Улыбка женщины превратилось в жалкую гримасу. Она всхлипнула, но сдержала себя и не заплакала.

– Теперь все хорошо, доченька. Теперь все будет хорошо. Мы заберем тебя домой.

Милка… Ленка отстранилась.

– Нет. Я без Короля не пойду! И Шкета! Он защищал меня!

– Короля? – Женщина беспомощно взглянула на мужчину.

– Вот он. – Ленка вытолкала вперед друга. – А Шкет в палате лежит. Я сейчас…

– Похоже, мне надо будет вмешаться, – сказал Александр Петрович. – Или хочешь к ним в семью?

На миг у меня захватило дух. До слез захотелось, чтобы меня снова обняла мама, чтобы, если я заболею, она сидела у моей постели и поила горячим молоком с маслом. Собрав всю волю, я мотнул головой:

– Нет.

Как-то отстраненно я наблюдал за разговором Александра Петровича и семейной пары. Женщина не отпускала руку дочери, сильно сжав ее ладонь. Я видел, что Милке больно, но девочка даже не пискнула.

Я побрел в палату. Александр Петрович появился через полчаса и сел рядом с кроватью. Я от стены не повернулся.

– Они берут и вашего Короля.

– Хорошо.

– Лена плакала. Хотела с тобой попрощаться, когда я объяснил, что ты не можешь поехать с ними.

– Трое – это было бы уже слишком. Спасибо.

– За что? Я держу свое слово. А сейчас собирайся.

– Собираться? – Я приподнялся и обернулся.

– А ты что, думаешь вечно в больнице жить? Поедем смотреть, как остальные из вашей компании устроились.

Остальные…

Оказалось, что Александр Петрович приготовил для меня одежду. Мы покинули больницу и поехали на его машине куда-то за город.

Остановились недалеко от деревенского дома. Сквозь тонированные окна нас видно не было, а опущенное стекло рядом с водителем давало возможность слышать все, что происходит на улице. Вот скрипнула дверь, и на крыльце показался Валерка. Я с трудом узнал его: чистый, в аккуратной одежде.

Грохоча ведром, он прошел к колодцу и быстро закрутил ворот. Наполнил ведро и понес в дом. На крыльцо выскочила какая-то девчонка.

– Ты чего, Маш? – удивился Валерка.

Машка?! Эта девчонка та самая Машка, вечно ходившая в рваном платье и дырявых колготках?

Девчонка молча сунула Валерке еще одно ведро и подхватила полное.

– Да сам донесу! – возмутился Валерка.

– Дуй с этим.

Из дома кто-то позвал Машку по имени.

– Иду, мама Люба!

– Мама Люба? – Я повернулся к Александру Петровичу.

– Любовь Николаевна Орлова. Недавно похоронила мужа, а сын погиб в Афганистане. Хотела усыновить каких-нибудь сирот, но ей не позволили. Одинокая женщина, не молода… Нам удалось ей помочь. Я полагаю, что это в любом случае лучше, чем детдом или улица. Ребятам здесь нравится. Да, честно говоря, я бы и сам не прочь, чтобы меня так усыновили. Чистый воздух, здоровые продукты. Хотя и труд тут тяжелый, но ребят не пугает. Хочешь зайти в гости? Они будут рады.

Я отрицательно покачал головой.

– Как знаешь. Поехали тогда обратно.

В тот день мы больше никуда не ездили. Переночевали в квартире, я так и не понял в чьей, а утром уже летели на настоящем вертолете. Летал я впервые и потому с большим любопытством глядел в иллюминатор. Приземлились на территории какой-то воинской части, а потом из окна кабинета я наблюдал за Мишкой, в ладно подогнанной форме марширующим вместе с другими по плацу.

– Тоже такие же сироты, – пояснил Александр Петрович. – Сначала один прибился к части, потом солдаты еще одного привели. Не выгонять же было? Так и прижились с тех пор. Теперь вот целая орда живет на правах сынов полка. Сейчас даже довольствие получают.

– И Мишке нравится? – удивился я.

– Здесь никто никого силком не держит, каждый волен уйти в любой момент. Но до сих пор никто не сбежал.

За следующую неделю мы таким образом навестили всех моих друзей по несчастью, с которыми я провел последние полтора года. Ленька оказался в интернате для одаренных детей. Я не удивился. Он и раньше великолепно рисовал, на добытые деньги даже покупал альбомы и краски. И Гвоздь ему дарил. Зарабатывал тоже рисованием – продавал свои пейзажи или рисовал портреты на заказ. Просто удивительно, как быстро разыскали всех из нашей компании и пристроили каждого.

– Вы ведь немного времени на это потратили? – сердито поинтересовался я.

Александр Петрович удивленно посмотрел на меня:

– Много людей работало. Не один я.

– Да? Вот скажите, если вы такие могущественные, если можете, когда понадобится, пристроить всех, почему на улице столько таких, как я?

Александр Петрович не нашелся что ответить. Только вздохнул и развел руками.

На обратном пути он спросил:

– Ну, теперь ты доволен?

– Да… спасибо вам.

– Зря ты так.

Володя искоса глянул на куратора:

– Может быть…

– Им легче будет знать, что ты живой.

– А вот это еще неизвестно. На людях ведь не проверялось, а то, что метод сработал с животными…

Александр Петрович поморщился:

– Я думаю, что все получится. Это имеет смысл. Ученые тоже согласны и даже построили целую теорию на этот счет.

Володя хмыкнул:

– У них будет теория на любые случаи. Уверен, что если ничего не получится – они и это объяснят… Александр Петрович… хочу вас попросить…

– Да?

– Если ничего не получится… можно мне с собой взять яд? Я видел, как умирали от моей болезни… Я держусь только из-за той надежды, которую вы мне дали… если ничего не получится…

Александр Петрович вдруг крепко обнял Володю и прижал к себе.

– Глупый… Все получится. Не смей даже думать иначе. Господи… ну почему все так случилось? Почему?

– Извините… – Володя отвернулся. – Глупая просьба… я не подумал.

– Значит, не подумал, – вздохнул Александр Петрович. Он снова стал деловым. – А это плохо. Плохо тебя дрессировали, если у тебя все еще язык опережает мысли. Ты ведь после перехода окажешься один в совершенно незнакомом месте. И там твой язык может привести к беде.

– На заданиях я не расслабляюсь.

– Опять плохо. Человек не может быть вечно напряжен. Быстро сгоришь.

– Александр Петрович, товарищ полковник, мы же уже говорили об этом! Зачем снова?

Полковник взлохматил мальчику волосы и дружески пихнул в плечо.

– Какой же ты еще дурачок наивный, если думаешь, что свою жизнь действительно можно определять самому.

– А разве не так?

– До определенного момента так, но человек существует не в вакууме. В этом новом мире ты будешь хозяином своей судьбы только до тех пор, пока не выйдешь к людям, а дальше они будут оказывать на тебя влияние. Ты можешь сопротивляться этому давлению, выбирать свою дорогу, что-то делать, но от этого влияния тебе не спрятаться и не избежать его.

– Проблемы стоит решать по мере их появления. Ваши же слова, товарищ полковник.

– Так я и не спорю. – Александр Петрович махнул рукой. – Ладно, больше не буду заводить разговор на эту тему. Мы тебя учили думать и принимать решения самостоятельно, хорошо все обдумав, не поддаваясь влиянию момента, и ты оказался неплохим учеником. А пока отдыхай. Сегодня тебя никто не потревожит – все-таки последний спокойный день твоей жизни в родном мире. Дальше тебе скучать не дадут.

Володя некоторое время смотрел вслед куратору, ставшему для него настоящим другом на этой Базе. Если он о чем и жалел, то только о расставании с ним.

Александр Петрович на Базу возвращаться не стал. Миновав первые строения, он углубился в лес, отыскал длинную палку и начал старательно ворошить листья в поисках грибов.

За три с половиной года он успел привязаться к этому мальчику. Да уж… жизнь порой бывает чертовски несправедливой. И за что все это выпало пацану? Гибель родителей, беспризорничество, а потом, когда, казалось, он уже обрел семью, диагноз, как приговор – рак…

Глава 3

Следующая неделя оказалась для Володи загруженной настолько, что вечером, возвращаясь к себе в комнату, он сразу ложился и мгновенно засыпал. Даже несмотря на все усиливающуюся боль. А ведь, казалось, уже привык к нагрузкам. Но тут… с утра короткая зарядка (а как же без нее – зарядка это святое), потом сразу в медотсек, и понеслось. Сдача крови, рентген, УЗИ и все, что наука напридумывала в качестве средств диагностики.

– А вы контрольное вскрытие не собираетесь произвести? – мрачно поинтересовался Володя, когда его на каталке везли на очередную процедуру.

– Смешно, – отозвался врач. – Мы обдумаем.

И кто над кем пошутил?

Осмотр длился где-то до двух. Потом обед, короткий отдых, и наступала очередь Александра Петровича, с которым они садились за списки того, что нужно было взять с собой. Если чего-то на складе не хватало – делался заказ. Дальше Володя изучал разные научные приборы, чтобы мог работать с ними даже с закрытыми глазами. Ближе к вечеру тренировка с мечами, рукопашный бой. А с утра по новой. Через несколько дней добавилось еще посещение склада, где проверялось все, что должно отправиться вместе с мальчиком – Александр Петрович настаивал, чтобы Володя проверял припасы лично. Нескончаемые споры с учеными – дай им волю, они и синхрофазотрон упакуют.

Через неделю стало проще. Медицинское обследование уже подходило к концу; врачи лечили малейший чих. Зато время тренировок с мечами увеличилось – Павел Викторович Шутер решил в эти дни вести занятия по полной, вот только из-за все усиливающихся приступов они давались все тяжелее. Павел Викторович не мог не видеть, как Володя страдает, но нагрузок не снижал, за что мальчик был ему очень благодарен. Жалости к себе он не терпел. Шутер же, словно не понимая причин приступов, повторял:

– Сам выбрал такой мир, где нет пороха. Значит, мечи тебе должны жизнь спасать.

Володя лежал на полу и тяжело дышал. Слипшиеся от пота волосы закрывали глаза, а руки налились свинцовой тяжестью. Так трудно на тренировках ему еще никогда не было. Впрочем, наставник тоже выглядел не лучше, и это радовало. В первые дни, когда мальчик только начинал заниматься с мечами, он падал от усталости еще до того, как у тренера появлялся первый пот.

– Что вы делаете?! – в зал ворвался Юрий Михайлович Золотов – верховный эскулап Базы, имеющий право приказывать даже Самому. – Когда я давал разрешение на тренировки, я не думал, что вы так будете тренироваться! А если Володя покалечится?

– Покалечится, если не готов, – отрезал Павел Викторович. – А если он не готов, пусть лучше покалечится сейчас. И вообще, хватит над ним сюсюкать! Жалость ему сейчас меньше всего нужна!!! – Всегда спокойный Шутер совершенно неожиданно вышел из себя. – Только потому, что он больной, нельзя снижать темп тренировок! Или вы не верите в собственную теорию?

– Верю… – Врач растерялся от такого напора. – Мы неоднократно ставили опыты на животных… на ту сторону все попадали совершенно здоровыми вне зависимости от того, чем болели и в какой стадии была болезнь, но…

– Значит, и Володя там будет здоров, а значит, ему понадобятся все его силы, чтобы выжить. Потому жалость сейчас совершенно неуместна и сослужит ему очень дурную службу. Так что не мешать!

– Ну… я не знаю… – Юрий Михайлович выглядел уже не так уверенно. – Но все же, прошу вас, не надо тренироваться до такой степени.

– Тренироваться надо так, чтобы реальный бой казался легкой разминкой. – Павел Викторович опустился рядом с мальчиком. – Володь, ТАМ я за тобой следить уже не смогу. Раньше я мог тебе и по шее надавать, если видел, что отлыниваешь от тренировки, но ТАМ тебе за собой следить придется самому. И здесь главное самодисциплина, самодисциплина и еще раз самодисциплина.

– Я все понимаю. – Мальчик с трудом сел. – Спасибо вам.

Врач только руками всплеснул.

– Вот что, молодой человек, я, собственно, пришел сказать, что обследование закончено. Болезнь стала прогрессировать и тянуть дальше уже нельзя. Еще немного, и ты уже не сможешь ходить. Завтра последний день, после чего на две недели на карантин. Переход сразу после него.

– Значит, две недели у меня еще есть?

– Есть больше времени, но мы не хотим рисковать.

Однако по настоянию Самого, как шутливо все называли директора Базы (в просторечии «Обезьянника») Виталия Дмитриевича Коршунова, карантин отложили на несколько дней для приведения всех дел в норму. Врачи скрепя сердце разрешили эту отсрочку, но усилили наблюдение. Тренировок стало меньше, зато всякой бумажной волокиты больше. Впрочем, меньше их стало еще и потому, что Володя уже с трудом ходил и свое состояние больше скрывать не мог – явные признаки болезни уже были заметны всем. Тем не менее работники Базы делали вид, что все нормально… Делали вид… От Володи не укрылось, как молоденькая секретарша вытерла слезы, когда он при ней чуть не свалился с лестницы. Он и сам чувствовал, что времени остается все меньше и меньше. Однако остальные процедуры шли своим чередом. Состоялась еще одна проверка у стоматолога.

Тот, отложив инструменты, довольно кивнул:

– Ну вот, теперь можешь гвозди перекусывать зубами.

Володя подвигал челюстью, вовсе не уверенный, что врач шутит. С его зубами возились постоянно, меняя пломбы на какие-то сверхпрочные, сделанные чуть ли не по космическим технологиям и по такой же космической стоимости. Еще на зубы нанесли специальный защитный состав и… в общем, что только не делали.

– Гарантия лет сорок, – продолжил врач, – но все же гигиеной не пренебрегай. Я там написал тебе все, что нужно. Да ты и так знаешь.

– Даже ночью помнить буду, – пообещал Володя и удрал из кабинета.

Сейчас ему хотелось только одного – чтобы все закончилось как можно быстрее. Вся эта суета начинала уже раздражать. Постоянные сборы, куча советов отовсюду. И бесконечная усиливающаяся боль, которую уже невозможно терпеть. От нее хотелось избавиться больше всего. Впрочем, он прекрасно понимал, что от организационной чехарды никуда не деться. Сам ведь не раз проводил совещания, приходилось потом руководить и исполнением принятого решения.

– Что? Я должен провести совещание? – Я озадаченно заморгал.

– Ага, – радостно отозвался Александр Петрович.

На Базе я находился уже почти год, который больше походил на сон… кошмарный. Занятия по предметам – это еще мелочи, хотя они и отличались от тех, что в школе. Но это и неудивительно: тут ведь не тридцать учеников, а один, раздолье для учителей. Счастье еще, что нет домашних заданий, все понимали, что я просто не успею их сделать, мой день был расписан по минутам. Так что усвоение знаний проверялось здесь же, на занятиях, в качестве самостоятельной работы… и не факт, что спрашивать будут по той теме, что изучали на прошлом уроке – могли спросить и по тому материалу, который я проходил неделю назад, а то и две. Подход простой: усвоил материал, значит, ответишь, а если плаваешь – ничего

не понял и будь любезен уже самостоятельно и в свободное время все выучи. Поскольку свободного времени оставалось немного, я его очень ценил и тратить на занятия совершенно не хотел. Надеялся, что, как только натренирую память, будет легче… ага, размечтался. Учителя прекрасно знали о моих успехах и вместе с тренировкой памяти давали больше материала для запоминания. А самое подлое – спрашивали они не то, как я его запомнил, а как усвоил.

– Пересказать учебник наизусть и я могу, – заметил на мои жалобы Александр Петрович. – Но простое запоминание материала ничего тебе не даст. Вот ты выучил наизусть закон Архимеда.

– На тело, погруженное в жидкость… – тут же начал я.

– Замечательно. А теперь скажи, где бы ты мог его применить в жизни?

– А… – Я завис. Всегда считал, что учебники надо читать только потому, что учителя этого требуют. О том, что знания можно где-то применить, я никогда не думал.

– Вот видишь? И какой смысл тогда от твоего знания? А ведь если бы ты знал хотя бы историю этого закона, никакой сложности у тебя ответ не вызвал бы. Архимед ведь не просто так открыл этот закон, а решая конкретную и весьма важную задачу. Полазай по Интернету, поищи.

Больше всего мне не нравились занятия спортом. Расписание оставалось неизменным с момента начала занятий на Базе. В шесть утра подъем и двадцатиминутная зарядка, потом холодный душ и завтрак. В семь начало занятий. С небольшими перерывами они шли до часа дня. Потом медосмотр, обед и два часа свободного времени. С полчетвертого начинались занятия по рукопашному бою и фехтованию. Тогда я еще не думал, в какой мир отправлюсь, но фехтование все равно шло в качестве обязательной дисциплины. По выходным вместо уроков была вольтижировка до обеда, после короткая тренировка и свободное время. Раз в неделю со мной беседовали разные психологи. Всегда гадал, сколько же их на Базе.

Постепенно я привык к такому расписанию и даже тренировки уже не доставляли проблем. Я стал гораздо выносливее и сильнее, мышцы окрепли, «дыхалка», как выражался наставник, пришла в норму. Никаких изменений не ждал и вот… сюрприз…

– А что за совещание? – уныло поинтересовался я.

– Не знаю, – улыбнулся Александр Петрович. – Я сегодня беседовал с некоторыми людьми, и все сошлись во мнении, что пора начинать преподавать тебе специальные дисциплины.

– Специальные?

– Совершенно верно. До этого был обычный школьный курс, ну, еще добавили немного спецпредметов. Сейчас твои знания где-то на уровне седьмого класса средней школы, хотя по отдельным предметам ты чуть ниже, по другим чуть выше, но это все выровняется со временем. Мы надеемся, что на следующий год школу ты закончишь. Однако эти знания хоть и помогут тебе, но чтобы выжить в незнакомом месте, нужно не только умение махать руками и мечами. Ты должен уметь распознать слежку, уйти от погони, перевоплотиться, разобраться в незнакомом вооружении.

– Ух ты!!! – от всего перечисленного я пришел в совершеннейший восторг.

Александр Петрович озадаченно покосился на меня, потом усмехнулся:

– Да. Тебя будут готовить как разведчика.

– А совещание зачем?

– А затем, что ты должен научиться управлять людьми. Управление людьми – это главное, что должен уметь любой руководитель. Тебе ТАМ придется полагаться только на свои силы. А также на тех, кто станет твоими друзьями.

Признаться, я мало что понял, но поверил. Совещание же и правда получилось веселым – мне понравилось. С тех пор они проходили каждую неделю. Я получал задание, неделю собирал информацию по теме, делал записи. Потом само совещание, где в качестве моих подчиненных

выступали психологи Базы. Первое время они помогали мне, подсказывали, поправляли. Потом шли разборы полетов с указанием моих ошибок: тут я был несдержан, тут накричал на подчиненного, который не выполнил моих прошлых указаний.

– Накричать – самое простое, – говорил один из профессоров от психологии. – Конечно, он виноват тут, но насколько оправданна твоя реакция? Никогда не кричи на кого-то в присутствии его подчиненных. Это роняет его авторитет как руководителя, а ему еще работать со своими людьми. Ты ведь не только ему навредил, но и себе – он ведь по твоим задачам работать будет, твои задачи не выполнит. А вот здесь уже твой недочет: некорректно поставил задачу, а поставил ты ее некорректно, поскольку сам не разобрался в проблеме.

Я старательно записывал указания, которые мне казались важными, краснел от справедливых упреков, запоминал, учился. Потом ставилась новая задача…

Дальше совещания стали сложнее. «Подчиненные» уже не помогали, более того, вообще не слушали. И опять разбор полетов: как поставить на место наглеющего подчиненного, как построить работу в условиях, когда тебя откровенно проверяют на слабость. Дальше шел прямой прессинг, который опять-таки надо было выдержать и добиться решения задачи, поставленной передо мной неделю назад. Потом экзамены… Это значит, что всю неделю я изображал из себя руководителя придуманного подразделения, напрямую подчиняющегося Самому (я уже перенял привычку окружающих говорить о директоре так). Ходил на доклады, получал задания и выговоры, отслеживал исполнение моих решений. Я думал, прошлые задания были тяжелыми. Ха! Эту неделю я буду вспоминать даже на смертном одре. После нее я на нашего директора поглядывал как на бога. И как он справляется со всем этим, если я уплыл даже в управлении подразделением, которое ничем особо важным и не занимается и которое придумали специально под меня?

Экзамен я провалил, а психологи согласились, что повесили на меня руководство слишком рано, потому в следующий раз я стал «всего лишь» секретарем Самого. Я получал и регистрировал сообщения, читал почту, выбирал главное и относил на ознакомление, остальное сортировал по важности, вел записи приемов и назначенных встреч. Неделя моего руководства подразделением теперь казалась мне курортом.

Кроме этого весьма специфического предмета мне преподавали еще тактику и стратегию, основы актерского мастерства, учили гримироваться, стрелять из всех видов стрелкового оружия, гранатометов, ПЗРК, ЗРК, вождению.

Стрельбу я не любил, она напоминала мне о том, как погибли родители и сестра, но научился стрелять достаточно хорошо, чтобы заслужить похвалу. А вот быть актером мне нравилось – забавно. Причем занятия тут тоже оказались весьма специфическими: мне давали кассету, на которую записывали жизнь обычного человека в течение двух часов. Я должен был изучить все это, а потом изобразить. Сначала не получалось, пока я не сообразил, что люди запоминают отдельные, характерные только для конкретного человека жесты, движения, мимику. Я начал выделять их, потом копировать перед зеркалом. Через полгода удивленный учитель даже похвалил меня.

– Парень, если бы ты пошел сниматься в кино – затмил бы любого. Но не расслабляйся, пока еще все равно не очень получается, но ты на верном пути.

А вот к занятиям по тактике я относился с некоторым благоговением… первоначально. Начитавшись исторических книг о разных сражениях, я уяснил, что основу любого боя составляет тактика, которую применяют обе стороны. И более сложное тактическое построение, например «линия», имеет преимущество перед простым тактическим построением типа «толпа». Правда, если толпа большая, то линия уже не поможет. Поэтому от этого предмета я ждал каких-то откровений, чего-то захватывающего, творческого, чего-то такого, уяснив которое, можно побеждать всегда и везде… А оказалось? Изучение условных

обозначений на карте, зубрежка устава. Мотострелковый батальон в обороне, в наступлении, расстояние между машинами в походе.

– Где проходит линия боевого развертывания мотострелкового батальона в наступлении?

Напрасно Егор Тимофеевич пытался меня поймать – я давно уже научился спать так, что все слышал и помнил.

– В ротные колонны? – уточнил я.

– Во взводные и развертывание в цепь…

– Триста метров от первой линии обороны противника! – бодро отрапортовал я.

– Гм… – Егор Тимофеевич озадаченно поскреб щетину. – А почему именно триста метров?

– Триста метров – это расстояние уверенного поражения стрелковым оружием. Если начать разворачиваться в боевые порядки раньше – людям придется бежать до врага большее расстояние, и они пойдут в атаку уставшими. Если разворачиваться позже, то попадут под огонь обороняющихся и понесут потери.

– Гм, – повторил наставник, после чего снял очки и принялся их протирать. – Это я тебе еще не успел рассказать. Сам догадался?

– Да, – честно сказал я. – Просто сопоставил зону поражения из автомата и расстояние, на котором начинается развертывание взводов.

– Очень хорошо. Возможно, я был не совсем прав, когда говорил, что тебе не интересен мой предмет. В таком случае поговорим об организации снабжения войск…

Я тихонько застонал…

Постепенно к спецпредметам добавлялись еще. Так я начал изучать диагностику и хирургию.

Под руководством хирурга-наставника делал анатомические вскрытия. Ох, сначала и мутило! Да и жутко было, в первый раз даже не спал потом всю ночь – но привык. Человек ко всему привыкает, оказывается: делать вскрытие, изучая печень умершего от алкоголизма бродяги и есть всякую гадость типа сырой рыбы, червей, мокриц и муравьев на уроке по выживанию.

Потом я определился с тем местом, куда хотел попасть, и расписание занятий изменили. Стали больше времени уделять вольтижировке и холодному оружию всех видов. После долгих экспериментов решили, что для меня лучше всего подходит пара мечей. Пошли тренировки с метательным оружием, луком и арбалетом. Намного меньше времени уходило на предметы типа «собери радиопередатчик из того, что есть под рукой» и больше на военную историю. Особенно напирали на тактику армий разных стран и времен. В специальном зале собрали макеты местностей, где происходили знаменитые сражения, и по шагам разбирали каждое. Особенно много времени уделяли тем битвам, в которых какая-то явная ошибка превращала их в катастрофу для одной из сторон. Одним из примеров приводили Полтавское сражение, где отсутствие единого командования из-за ранения короля и свара в штабе привели шведскую армию к разгрому.

– Вот такая обстановка сложилась накануне Полтавской битвы, – говорил я на уроке. – Царь Петр еще не до конца был уверен в своих войсках, потому решил подстраховаться и не пошел сразу в наступление, а организовал укрепленный лагерь. Шведы, имевшие недостаток орудий и пороха, должны были либо отступить, либо решиться на генеральное сражение… я бы на их месте отступил. Слишком большое превосходство врага в силах и орудиях, тем более из-за недостатка пороха даже имеющиеся пушки нельзя применять.

– У Карла были причины верить в успех, – заметил преподаватель. – В сражении у Нарвы соотношение было еще больше не в его пользу.

– К битве надо готовиться, исходя из знаний о настоящем положении войск противника, а не из прошлого. Прошло девять лет после Нарвы.

– Рассуждения сегодняшнего дня, – заметил учитель. – Легко быть умным, зная уже случившееся. Ты напоминаешь мне некоторых критиков, которые осуждают Сталина за то, что не поверил разведчикам о начале войны двадцать второго июня, забывая, что, кроме этих сообщений, приходила еще куча о других сроках ее начала.

– Я понял, – покаянно отозвался я.

– Это хорошо. В таком случае, продолжай.

– Петр логично рассудил, что, имея превосходство в артиллерии – надо его использовать. По его приказу на дороге, по которой должны были подойти шведы, построили девять редутов с пушками, расположенных буквой «Т», ножкой к противнику. Таким образом, ведя наступление, шведы должны были попасть под перекрестный огонь. Двадцать седьмого июня началось шведское наступление. Раненый шведский король не смог непосредственно управлять битвой, но общий план был составлен под его руководством. По нему предполагалось, что шведы пройдут редуты и выйдут на простор, построив армию для сражения с войсками Петра. Однако с самого начала все пошло не так. Из-за разногласий среди командного состава не все командиры колонн знали общий план сражения. В частности, генерал Росс со своими батальонами застрял перед восьмым редутом, безуспешно пытаясь его захватить, вместо того чтобы обойти и двигаться на соединение с остальной армией согласно плану. В результате, когда Росс все-таки начал обход, образовался разрыв между ним и основными силами. Остатки его батальонов были разбиты, а сам Росс сдался еще до начала второй фазы битвы. Большая часть шведской армии сумела прорваться сквозь редуты, но попала под ружейный и артиллерийский обстрел из лагеря и отошла в Будищенский лес. В девять часов утра Реншильд выстроил остатки армии и приготовился к бою… Вот тут все же лучше было отойти, оставив прикрытие от преследования. До гибели батальонов Росса у шведов, возможно, и были какие-то шансы… не очень большие. Но в текущий момент их не осталось совсем.

– Отступать перед превосходящими силами? Отступление – сложное искусство, требующее большой дисциплины от армии.

– Полагаю, что шведская армия удовлетворяла этому условию.

– Верно. Но ты не учитываешь еще один важный аспект – характер полководца вражеской армии. Карл Двенадцатый не мог отступить. Продолжай.

И я продолжал.

Потом изучали и разбирали Бородинскую битву. Малоярославец… Фокшаны… Рымник… Ларга… Кагул… Особенно подробно останавливались на битвах до эпохи пороха: Азенкур, Куликово поле, походы татаро-монголов, тактика швейцарской пехоты и ландскнехтов. Вместе с этим я наизусть заучивал устройства катапульт, баллист, «скорпионов», ТТХ невробаллистических и баробаллистических машин, преимущества и недостатки каждой из этих конструкций.

– Для создания и работы с невробаллистическими машинами требовалась серьезная школа, развитые технические службы, – рассказывал учитель. – Потому в Средние века армии не могли себе позволить такие сложные устройства из-за отсутствия квалифицированных специалистов и они использовали гораздо более простые, пусть и не такие дальнобойные и точные баробаллистические машины… Почему они так назывались?

– От греческого «баро» – тяжесть. То есть машины, использующие систему противовесов, в отличие от невробаллистических, использующих энергию упругих тел – дерева, скрученных канатов или воловых жил – для бросания снарядов.

– Молодец. Верно. К следующему занятию попрошу дать расчеты по «скорпиону» и сделать его чертеж…

После проверки моего чертежа и пары замечаний по выбранному мной дереву, мы стали изучать полководцев.

– Трудно переоценить значение личности человека, ведущего полки. Царь Дарий из-за своей трусости умудрился проиграть почти выигранное сражение против Александра Македонского. Прояви он чуть больше храбрости при Иссе, и мир, возможно, никогда не услышал бы о великом Александре. Однако бегство Дария послужило сигналом для бегства всего войска. На прошлых занятиях мы говорили о восемнадцатом веке. Скажи-ка мне, друг мой Владимир, какие методы применяли… ну, скажем… Фридрих Второй Великий, Наполеон, Суворов и Кутузов? Перечисли их отличительные особенности как полководцев и применяемые ими приемы.

Я задумался. О них рассказывалось давно, приходилось прилагать усилия, чтобы вспомнить.

– Фридрих Второй прославился своей знаменитой косой атакой. Суть ее заключалась в том, чтобы сконцентрировать больше сил на одном из флангов, прорвать линию противника и ударить в тыл. Вместе с техническими новшествами, такими, как железный шомпол, позволивший поднять скорострельность ружей, это явилось залогом его побед. Отлично вымуштрованная армия позволила производить тактические перестроения прямо на поле боя, считающаяся сильнейшей в Европе кавалерия довершала разгром. Хотя справедливости ради стоит сказать, что тактический прием концентрации сил на фланге не нов. Его применял еще фиванский полководец Эпаминонд. В частности, благодаря этому приему была одержана знаменитая победа в битве при Левктрах, где он разбил считавшихся доселе непобедимыми спартанцев.

– О-о-о. Об этой битве мы еще не говорили, – учитель выглядел довольным. – Ты сам нашел ее?

– Да, когда изучал тактические построения греческих городов. Меня интересовала фаланга.

– Понятно. О ней мы поговорим на следующих занятиях и особенно подробно рассмотрим римский манипулярный строй. Его можно считать вершиной тактического мастерства Древнего мира.

Я знал, что мой учитель военной истории фанат Римской республики и империи. Не было ни одного занятия, где бы не всплывала тема Рима. И про дороги он рассказывал, и про акведуки, но особенно его восхищала римская организация военного дела.

– Наполеона, – продолжил я, – некоторые восхваляют за его тактику колонн на поле боя, однако колонны начал применять еще Румянцев во время русско-турецких войн, а развил эту тактику Суворов. После французской революции ее применяли и новые маршалы республики задолго до возвышения Наполеона. Преимущества колонн заключались в возможности создания ударного кулака для прорыва линии противника. Первоначально французы применяли ее от безысходности, поскольку их сборная революционная армия не могла по выучке соперничать с профессиональными армиями европейских монархов. Колоннами же управлять намного легче, чем линиями, и они не требовали особого качества в подготовке солдат.

– Немного спорный момент, но продолжай.

– По-настоящему революционный шаг Наполеона заключался в другом: он первый разработал и применил на практике тактику концентрации артиллерийского огня, когда все орудия собирались на линии главного удара, а не равномерно распределялись по всему фронту, как это делали до него. По сути, он явился первым полководцем нового, технического века, начав побеждать, используя не только солдат, но и орудия. Новые облегченные лафеты позволили ему маневрировать пушками в бою, меняя местоположение орудий в зависимости от обстановки. В результате противнику казалось, что его армия уступает наполеоновской в числе орудий, даже если это было не так. Изобретение полевой кухни позволило француз-

ским колоннам двигаться гораздо быстрее, чем армиям других государств. Стратегические маневры – тоже один из залогов побед Наполеона, когда он умело концентрировал свои силы, моментально перебрасывая их в другие пункты по мере необходимости.

– А как же знаменитые марш-броски Суворова? У него ведь не было полевых кухонь.

– Суворов достигал своей скорости за счет тактических приемов: повара с небольшим сопровождением выдвигались вперед войска и готовили бивак. Когда армия подходила, их ждал уже полностью подготовленный лагерь и обед. Пока армия отдыхала, повара снимались с места и двигались дальше. В случае угрозы столкновения с противником армия совершала марш, с ходу вступая в бой. Казаки обеспечивали разведку, и Суворов получал достаточно точные данные о местоположении противника. Основа его военного гения заключалась в молниеносной оценке ситуации на поле боя, концентрации всех сил против выявленного слабого пункта и постоянно нарастающего давления на него, после прорыва – в организации непрерывного преследования, которое рассеивало уже побежденного врага. Как такового излюбленного тактического приема у него не было, если не считать учений со сквозными атаками, но они носили скорее психологический характер, приучая коней и солдат не бояться штыков противника. На поле же боя он комбинировал различные приемы в зависимости от обстановки. При этом не боялся рисковать и нарушал даже сложившиеся тактические каноны, например, приказав кавалерии атаковать турецкую пехоту в окопах у Фокшан.

– А Кутузов?

– Кутузов больше стратег, чем тактик. Суворов – классический полководец, который не задумывается о политических последствиях, чему примером могут служить его Итальянская и Швейцарская кампании. Проведенные с блеском военные походы с точки зрения политики ничего не принесли стране, а только навредили. Понятно, что Суворов не отвечал за политику государства, но тот же Кутузов нашел бы способ извернуться и обратить даже прямые приказы из Питера в свою пользу, как он изворачивался после поражения австрийцев при Ульме. И только приезд императора лично и его прямой приказ заставили Кутузова принять битву под Аустерлицем, чему он противился всеми силами. Для Кутузова не было никакой беды в том, чтобы проиграть сражение, если этот проигрыш позволял все равно занять выгодную позицию и в конце победить в войне. Бородино и Малоярославец можно использовать как классические примеры: обе битвы формально проиграны, но в первом случае французы, лишившись всей кавалерии, долгое время даже не знали о том, где находится отступившая русская армия. Использовав с толком передышку, Кутузов перешел в наступление со свежими полками и вынудил противника отступать. Под Малоярославцем столкнулись авангарды армий, и опять Кутузов, подоспев с основными войсками и не видя дальнейшего смысла воевать за город, отступил, перекрыв движение войскам неприятеля на других позициях. Наполеон на новое сражение не решился и отступил по старой дороге. Не боялся Кутузов и отступать, вынудив турецкого полководца в пылу преследования форсировать реку, не обеспечив тыла, в результате чего вся турецкая армия попала в окружение. При этом Кутузов опять проявил себя как стратег и политик, не уничтожая армию врага, а ведя переговоры о мире. Турки, чтобы сохранить армию, умирающую в окружении от голода, вынуждены были форсировать переговоры и соглашаться на уступки. После даже самого страшного поражения, понимая, что России нужны армии против Наполеона, турки бы на мир не пошли.

Сведений давалось много. Основная идея такого рода образования, как я понял позже, заключалась в том, чтобы показать множество взаимосвязей, которые оказывают влияние на события. А сражение – это всего лишь конечный результат этих взаимодействий, спрессованный во времени и пространстве. Иной раз о выигрыше или проигрыше будущей битвы можно узнать уже по одним маневрам, которые совершают стороны до нее.

Мы разбирали также осады городов и крепостей.

– Вы меня в Наполеоны нового мира готовите? – однажды поинтересовался я у Александра Петровича.

– Надеюсь, ты избежишь такого соблазна, – усмехнулся он. – Однако, как показывает опыт, в те времена, в которые ты так стремишься попасть, положение определялось именно военной карьерой. Я не знаю, какое положение ты хочешь занять и кем стать, но мы хотим подготовить тебя наилучшим образом. Потому ты будешь изучать и логистику, и военное дело, и бухгалтерию.

– Бухгалтерию, – с отвращением протянул я.

– «Для войны нужны всего лишь три вещи: деньги, деньги и деньги», чьи слова?

– Наполеона.

– Хочешь с ним поспорить?

– Я бы поспорил, но, боюсь, он не ответит.

Нельзя сказать, что мне не нравились эти занятия, было очень даже интересно, пока меня не заставляли писать какие-нибудь аналитические записки по Клаузевицу или Сунь-цзы. Тут, правда, не обошлось без споров. Если с Клаузевицем все понятно, то с Сунь-цзы вовсе не так просто, и когда я сделал свой комментарий к пункту трактата о том, что самая лучшая война – разбить замыслы противника, на следующем месте – разбить его союзы, на следующем – разбить его войско, самое худшее – осаждать крепости, это вызвало жаркие споры. Замечания касались того, что в данном случае эти пункты не могут быть однозначно отнесены к деятельности полководца, поскольку не он определяет политику страны, а первые два пункта – это явная прерогатива правительства. Исключение, если глава государства и полководец совмещаются в одном лице: Наполеон, Фридрих Второй, Александр Македонский. Впрочем, последний – пример неудачного совмещения, ибо нельзя вести войну, ставя перед собой расплывчатые цели. Как следствие, крах государства после смерти его основателя. А так полководцам часто приходится расхлебывать ситуацию, которую оставили политики, если последние не справляются со своими обязанностями.

У нас развернулась целая дискуссия о первичности политики и войны. Лично для меня спор закончился, когда Александр Петрович предложил мне прочитать басню Крылова про пушки и паруса. После этой басни для меня гражданская администрация в этом негласном соревновании однозначно заняла главенствующее положение, о чем я и сообщил на следующем занятии вместе со своими размышлениями и сделанными выводами. Учитель, подумав, согласился.

– Я рад, что ты правильно оцениваешь ситуацию. Цель должна быть первична. Война же всего лишь средство для ее достижения, причем далеко не единственное и зачастую не самое лучшее.

Сейчас, вспоминая те занятия, Володя только грустно улыбался. Счастливое было время. Бесконечные занятия и постоянные нагрузки заставили его забыть и гибель родителей, и свою жизнь на улице – ему просто некогда было об этом думать. Но сейчас он вдруг отчетливо осознал, что все это остается в прошлом. Скоро его запрут в карантине, а потом – чужой мир и невозможность вернуться. Гибель родителей, смерть Гвоздя, расставание с уличной бандой и, самое главное, со ставшими уже родными обитателями Базы, запрятанной в таежной глухомани, – все останется позади. Может, поэтому в последнее время воспоминания так часто одолевали его – он словно старался пережить те счастливые мгновения еще раз. И уроки по военной истории и тактике, и наука лова рыбы без удочки, и основы выживания в тайге, когда его забрасывали с одним ножом на несколько километров от Базы. Забрасывали даже без компаса: сначала летом, потом зимой. Вспоминал, как удирал от зайца, приняв его ночью за какое-то чудовище. Об этом случае он не рассказывал никому, опасаясь насмешек. Проходили занятия

и в городе, где он должен был обнаружить слежку и уйти от нее или, наоборот, проследить за определенным человеком. Да много всего было…

– Ты готов? – Александр Петрович появился, как всегда, незаметно.

– Да.

– Завтра с утра ты войдешь в карантинную зону. Больше в нашем мире ты не погуляешь.

– А можно мне немного пройтись по лесу? В последний раз.

Александр Петрович подумал и кивнул:

– Давай. Сейчас предупрежу пост, чтобы тебя выпустили.

Володя немного постоял на крыльце, глядя на появляющиеся звезды и делая как можно более глубокие вздохи, словно стараясь надышаться на всю оставшуюся жизнь. Потом, пиная попадающиеся на пути веточки, побрел в лес. Иногда останавливался у деревьев и осторожно гладил стволы. Собрал охапку листьев, подбросил вверх и, расставив руки, застыл, подставляя лицо падающим листьям. Незаметно для себя дошел до озера, но задерживаться у него не стал и повернул обратно. Замирая, слушал каждый шорох в ночном лесу, выхватывая лучом фонаря причудливо переплетенные ветви кустов и подолгу рассматривая их, словно увидев доисторических чудовищ.

Мальчик вернулся на Базу только через три часа. Словно давая возможность последний раз насладиться всем этим, куда-то отступила неизменная его спутница – боль. У дверей Володю встретил встревоженный Александр Петрович. Внимательно посмотрел на мальчика, вдруг шагнул к нему и крепко обнял.

– Извини, – прошептал он.

– За что? – удивился Володя. – Без вас я бы давно уже был мертв.

– Я до сих пор не уверен, тот ли это шанс… Но… живи! Живи, прошу тебя… Жаль, что я не смог стать тебе хорошим отцом…

Володя чуть улыбнулся и прикрыл глаза.

– Вы стали для меня хорошим отцом… папа…

Куратор вздрогнул и сильнее стиснул мальчика.

– Живи… сынок, – чуть слышно прошептал он. – Живи и найди свое место в том мире. Будь счастлив.

Александр Петрович чуть отстранился и внимательно изучил мальчика. Порой, глядя в эти не по-детски серьезные глаза, ему казалось, что разговаривает он не с тринадцатилетним пацаном, а с умудренным жизнью стариком. Ему хотелось, чтобы мальчик хотя бы на миг расслабился, проявил свойственное всем детям желание пошалить, набедокурить. Но нет. С самого первого дня мальчик всегда оставался серьезным и собранным. Всегда настороже и готовый ко всему. С трудом он начал доверять сначала ему, а потом остальным преподавателям. Постепенно мальчик осваивался, но детская веселость к нему так и не вернулась. Лишь иногда Володя чуть-чуть улыбался. Самыми краешками губ, но глаза при этом оставались внимательными и серьезными. И разбудить запрятанную где-то глубоко душу ребенка не удалось даже ему. Только сегодня чуть треснул ледок, но времени, чтобы расколоть его окончательно, уже не оставалось…

Александр Петрович проводил мальчика до его комнаты, где и расстался с ним, пожелав спокойной ночи. Потом еще долго стоял у двери, с грустью глядя на нее.

На следующее утро мальчику дали выспаться до девяти, а потом провели в дезинфекционную камеру. Володя разделся, оставив одежду в предбаннике, вошел в кабину, плотно закрыв за собой дверь. Тотчас со всех сторон ударила дезинфицирующая жидкость. Володя поспешно надел дыхательную маску, свисающую сверху, и стал терпеливо ждать, пока жидкость накроет его с головой. Вот вода дошла до верха и включился секундомер. Дышать специальной смесью было не очень удобно, но терпимо. Но вот запустились насосы откачки, и жидкость стала убывать, с пола исчезли последние следы раствора, а со всех сторон подул теплый воздух, высу-

шивая кожу. Наконец все прекратилось, и открылась внутренняя дверь. Володя оделся в новую одежду, которая ждала его в предбаннике, теперь уже с другой стороны, и вошел в просторный холл. Одна стена холла была сделана целиком из стекла. За ней сейчас собрались все его преподаватели во главе с директором. Володя подошел к стеклу и положил на него руки. Ему кивали, через встроенные динамики подбадривали, женщины всхлипывали.

– Ну вы прямо как на похоронах, – сказал мальчик.

– Да иди ты, болван, – буркнула Светка – секретарша Самого. Володя раньше удивлялся, как такая молоденькая девушка попала на эту должность. Потом попробовал сам секретарского хлеба и понял, что эта хрупкая девушка – настоящая профессионалка. Ну а после их совместной работы ему в качестве особой милости было позволено обращаться к ней по имени, что вызвало бурную зависть мужчин Базы. – Типун тебе на язык. Ты бы подумал, что больше мы тебя не увидим.

– Почему? – искренне удивился мальчик. – Я еще две недели в этих хоромах торчать буду. Приходи, пообщаемся через стекло.

– Володя, мы позже еще придем, – вмешался директор, гася в зародыше нарождающийся скандал, который уже готовилась устроить Светлана. – Так, что, ни у кого работы никакой нет? Так я сейчас мигом устрою. И не мешайте мальчику отдыхать. Всем за дело.

Последним уходил Александр Петрович. Уже у двери он обернулся и ободряюще кивнул. Мальчик помахал ему в ответ, а потом отправился исследовать карантинный блок.

Глава 4

Ничего особенно примечательного тут не было: небольшая комната четыре на шесть метров, ванная и туалет, комната побольше, оборудованная под спортивный зал, на стене висят знакомые мечи. Володя подошел к ним и чуть вытащил один из клинков. Действительно те самые. Ну, и еще холл со стеклянной стеной для беседы с теми, кто остался снаружи. Позаботились и о досуге: в комнате стоял массивный шкаф, заполненный разными книгами – учебниками, справочниками, пособиями и даже художественной литературой. На столе ноутбук. Володя поднял крышку и запустил его. Дождался загрузки и проверил доступные ресурсы. Ага, похоже, через Wi-Fi он соединен со свободной сетью Базы и через нее имеет выход в Интернет. С одной стороны, это хорошо, а с другой, в базе данных внутренней сети материалы намного интереснее. Но раз есть выход в Инет, значит, гарантированно нет доступа во внутреннюю сеть: по требованию службы безопасности эти сети были строго независимы и компьютеры внутренней сети выхода во внешний мир не имели. Хотя… Володя выдвинул ящик стола: листы бумаги, ручки, карандаши, линейка и готовальня. В среднем ящике тетради, а вот в нижнем обнаружился еще один ноутбук, и при запуске он потребовал ввести личный код. Мальчик удовлетворенно кивнул: значит, наставники позаботились о том, чтобы он получил доступ ко всей возможной информации. Закончив осмотр стола, Володя заглянул в шкаф и сразу наткнулся на гитару. А вот ей он обрадовался как лучшему другу. Сразу достал, плюхнулся на кровать, устроился поудобнее и сделал быстрый проигрыш, проверяя настройку. Отлично. Да и что ей будет – неделю назад только проверял, а играл мало, времени вообще не оставалось. Играть Володя умел и любил, да и учитель у него отличный. Когда у Володи обнаружили неплохой музыкальный слух и голос, то Александр Петрович решил, что стоит их развить и обязательно научиться играть на каком-нибудь инструменте, полагая, что в новом мире это умение лишним не станет – барды ценились всегда и везде. Какой инструмент выбрать, тоже недолго думали: не фортепиано же тащить за собой, а из остального предложенного Володя предпочел гитару. Только, увы, барда из него не получилось. Нет, играл он очень неплохо, учитель говорил, что можно хоть сейчас выпускать на солидные сцены. С голосом тоже проблем не было. Проблемы были с другим – с поэтическим даром. Те стихи, что мальчик тайком от всех накропал, ему стыдно было показывать даже Петровичу – завскладом Базы, человеку, который на полном серьезе считал, что «кровь – горох» – это рифма. Смирившись с тем, что настоящим бардом ему не стать, Володя налег на разучивание песен других: Высоцкого, Митяева, Визбора, Окуджавы… Выучил много баллад, да и просто песен, которые ему нравились – из фильмов, эстрадные, романсы.

Закончив проигрыш, Володя чуть прикрыл глаза, решая, что сыграть, потом осторожно перебрал струны и запел «Балладу о любви». Некоторые песни Высоцкого он уже знал настолько хорошо, что участия сознания практически не требовалось. Володя даже не пел, а просто чуть подпевал, играя. Именно эту песню он впервые услышал, когда появился вместе с Александром Петровичем в зале с той самой установкой, из-за которой он сюда и попал.

Высоцкого я раньше никогда не слышал. Голос у певца был необычным, слегка хрипловатым, и эта хрипловатость ничуть не мешала и даже придавала исполнению некоторое очарование. Я заслушался, но тут Александр Петрович подозвал меня к огромному стеклу. Я встал коленями на кресло и начал наблюдать. Было интересно и слегка страшновато, если честно: огромный куполообразный зал, толстущие провода, идущие вдоль стен, люди в серебристых защитных комбинезонах, колдующие над приборами, у стены большие ящики, перемигивающиеся разноцветными лампочками, и труба, выступающая из непонятной конструкции. Не очень широкая, короткая, слегка наклоненная вниз. Вот что-то загудело, и из трубы

вылетела капсула, к которой немедленно бросился один из присутствующих там, из-за комбинезона непонятно даже, мужчина или женщина. Схватил ее, раскрыл и тут же вставил в разъем на пульте. Люди засуетились.

Сначала мне было интересно, а потом стало скучно. Люди ходят, лампочки моргают, что-то жужжит, все смотрят на экраны, где какие-то графики и таблицы непонятные.

– Вот это и есть установка «окно».

– А что это такое? – поинтересовался я. – Вы обещали рассказать, зачем я вам понадобился.

О своей болезни я еще не знал и потому полные боли взгляды Александра Петровича, которые порой ловил на себе, меня сильно озадачивали. Я даже не предполагал, на что он пошел ради моего спасения, и, стоя напротив странного механизма, даже не думал о той роли, которую он должен сыграть в моей судьбе.

Александр Петрович задумался, явно не зная, как все объяснить десятилетнему ребенку так, чтобы он все понял. Сел в кресло рядом.

– Понимаешь, наши ученые сделали одно открытие, но пока совершенно неясно, как применить его на практике. Открытие – вон та самая установка. Она… гм… Ты сказки любишь?

– Гвоздь много рассказывал.

– Так вот, эта установка открывает ворота во что-то типа сказки…

– Ух ты…

– Точнее не сказки, а… – Александр Петрович запнулся, – а в другой мир. Такой же, как наш, но другой.

Я непонимающе посмотрел на взрослого дядю, несущего такую чушь. Тот глянул на меня и поморщился.

– Ну, господин директор, спасибо, удружил, – сердито пробормотал он. – И как я должен рассказывать ребенку теорию множественности миров?

Я терпеливо ждал, полагая, что дядя сейчас мне все-таки объяснит.

– В общем, эта установка способна пробить границу миров… как будто на другую планету.

– Ух ты! На другую? Правда?

Александр Петрович задумался, потом облегченно кивнул:

– Да. Именно на другую планету… в другой Вселенной.

– Интересно… – Тут пахло тайной и приключениями, но… инстинкты уличного мальчишки говорили, что раз непонятно, значит, может быть опасно.

И какое это имеет отношение ко мне? Поведение Александра Петровича вообще было странным в последнее время. Когда оно поменялось? Когда он пришел однажды очень задумчивый и чем-то сильно расстроенный… Долго глядел на меня, но так ничего и не сказал, а когда я спросил, перевел все в шутку. Но несколько дней так и ходил расстроенный, а затем передал меня на попечение своим знакомым и исчез почти на две недели. Появился на днях сильно измотанный, но в крайне веселом расположении духа, с порога заявил, что все будет хорошо, и завалился спать. А вскоре ошарашил меня известием о переезде на жутко засекреченную Базу, где мне обязательно понравится.

Не знаю, понравится мне там или нет, но я нутром чуял какую-то недосказанность.

Александр Петрович перестал мямлить и заговорил со мной как со взрослым:

– Понимаешь, в чем проблема… мы не можем нормально исследовать то, что находится за этим «окном». Мы умеем создавать роботов, исследующих Марс, Венеру, Луну, но роботов этих направляем мы с Земли. Сами они думать не умеют, а искусственный интеллект еще не создан. Можно написать программу, но, не зная, что на той стороне, как можно что-то предусмотреть? Как объяснить роботу, что для нас представляет интерес, а что нет? Ты понимаешь меня?

Я кивнул.

– А почему вы никого туда не отправите? И не посмотрите?

– Ты видел диаметр трубы? У меня лично туда только голова влезет. А шире сделать не получается. Эти умники говорят, что и не получится, сколько энергии ни дай. А есть еще ограничение и по массе. Эта проблема решаема, но тогда рядом АЭС строить надо.

– Хм… – Тут страшная догадка посетила меня… – Вы хотите, чтобы туда отправился я?! – Я даже сам не знал, чего больше в моем крике: восторга или ужаса.

Александр Петрович молчал, опустив голову. Потом честно ответил:

– Это решать тебе… Время у тебя еще есть, а потому…

– Я не понимаю… Вы говорили, что готовы меня усыновить! Вы врали?!

Александр Петрович нахмурился.

– Из-за режима безопасности я с тобой поговорить раньше не мог… Думаю, сейчас самое время. Я действительно подал документы на твое усыновление… Проблем быть не должно, но… – Александр Петрович резко встал и несколько раз прошелся из угла в угол. – Мне принесли результаты твоего медицинского обследования…

– Вы сказали, что все хорошо…

– Я соврал… Не буду утомлять тебя медицинскими терминами… В общем, если тебя не лечить, то через полгода ты умрешь. Но даже самые современные методы не в силах помочь… С ними у тебя есть максимум три года. Может, чуть больше…

Я даже не сразу понял, что речь действительно обо мне. Полгода? Если лечить, то три?

– Что у меня?

– Рак. Рак костного мозга… Препаратами можно замедлить течение болезни, но излечить… современная медицина тут не поможет. Если бы тебя обследовали раньше… если бы ты не жил все это время на улице, может, у тебя было бы пять лет жизни, а не три года, как сейчас.

– Два года? Это не очень большой выигрыш…

Александр Петрович вновь присел рядом.

– Ты спокойно воспринял это известие.

– На улице я не был уверен, что переживу следующий день… Я давно смирился с тем, что могу умереть в любой момент.

– Ты не должен так говорить! – чуть ли не отчаянно воскликнул Александр Петрович. – Такие слова не должен говорить ребенок!

– Ребенок тот, у кого есть детство… Так Гвоздь говорил. Значит, у меня три года?

– Есть возможность вылечить тебя, но…

– Эта установка?

– Да. Потом я расскажу тебе о ней подробней, пока же… если ты пройдешь через нее, то вылечишься. Но вернуться уже не сможешь, и тебе придется остаться жить в другом мире. Выбор за тобой.

– Либо три года жизни тут, либо долгая жизнь, но там?

Александр Петрович взглянул на меня:

– Я хочу, чтобы ты жил… Через три года мы сможем отправить тебя в другой мир…

– Тогда я выбираю жизнь… Но почему вы говорите, что только через три года? Разве не сейчас? Ведь если я болен, то чем раньше, тем лучше.

– В данном случае это все равно, но за три года мы сможем тебя подготовить, чтобы ты смог выжить в новом мире. Если тебя отправить прямо сейчас, то проще доверить все твоей болезни. Как я уже говорил, поход в «окно» – билет в один конец. Тот, кто пройдет, никогда не сможет уже вернуться. Так что лекарство от болезней это весьма сомнительное.

– А…

– Подожди. Я все объясню. Было несколько групп добровольцев. Тогда и обнаружился этот эффект излечения. Как объяснили медики, в момент перехода организм слегка изменяется и подстраивается под новый мир, избавляясь от всего, что ему мешает. Даже от рака. Первый исследователь провел все испытания, переслал нам уникальные материалы, но когда вернулся сам, его… – Александр Петрович быстро глянул на меня, – в общем, он умер. Врачи выяснили, что в организме начался процесс изменений, который его и убил. Потом обнаружили, что убило его обратное превращение. Еще обнаружили, что его организм избавился от некоторых хронических болезней. Тогда это сочли случайностью. Дальнейшие опыты показали, что человек может подстроиться под чужой мир, но только раз. Есть и еще одно… чем старше человек, тем труднее происходит приспособление к новому миру. А позже еще провели испытания на животных, чтобы окончательно убедиться.

– То есть я подхожу… Но зачем? Вы просто хотите меня спасти? – недоверчиво спросил я.

– Я уговорил начальство использовать тебя для исследования нового мира. Я уже говорил, что роботы тут не помогут. Когда обнаружилось, что возврат невозможен, исследования ограничили роботами. Но робот не в состоянии заменить человека, и на той стороне нужен кто-то, только тогда исследование даст результаты. Как видишь, интерес тут обоюдный. Ты излечиваешься от болезни и получаешь шанс на жизнь, медики получают уникальный материал, который в дальнейшем сможет помочь найти средство от твоей болезни, а исследователи получают возможность провести изучение нового мира напрямую с помощью человека. И если твой опыт пройдет успешно… полагаю, в мире найдется много неизлечимо больных людей, которые согласятся получить шанс, как только решится проблема с шириной «окна».

– Настолько важно исследование именно людьми?

– Наиболее полные и важные сведения мы получили от добровольцев. С их помощью нам удалось исследовать три мира, и эксперименты принесли нам очень много уникальных знаний. Настолько ценных, что мы решили продолжать исследования. А как мы получаем данные с той стороны, ты сам только что видел.

– Это человек передал ту фиговину?

– Фиговину? Это капсула с записями. Нет, там сейчас робот. Ездит, снимает и с определенной периодичностью выстреливает в «окно» такие вот информационные капсулы. Потом вернется и сам, но на случай разных неожиданностей передается информация и таким образом.

– То есть в том мире сейчас живет несколько наших людей? – это единственное, что я более-менее понял во всем сказанном.

– Нет. «Окно» можно держать открытым около недели, потом его надо закрывать. Миров же столько, что открыть проход в один и тот же у нас ни разу не получилось. Каждый новый проход вел в свой, уникальный мир.

Я много тогда назадавал вопросов. В основном глупых. Да и чем мог интересоваться мальчишка, который еще ничего не понимает, для которого это все удивительное приключение? И даже новость о болезни была далеко задвинута потоком других впечатлений. К тому же я внутренне приготовился и к тому, что на мне начнут ставить какие-то медицинские опыты, а оказалось, что мне предлагают удивительное приключение. Да еще с возможностью покинуть мир, в котором за последние полтора года я не видел ничего радостного. Уже в процессе обучения, получая знания, учась думать и принимать самостоятельные решения и, главное, отвечать за них, я сообразил, что все не так уж и радостно на самом деле. Что переход без возможности вернуться – это решение, которое можно принять только раз, и отказаться от него уже невозможно. Как в той шутке Петровича: фарш невозможно провернуть назад и вновь получить целый кусок мяса. Второй вариант тоже понятен – смерть

от болезни. Выбор, кажется, очевиден, но… Действительно ли жизнь вдали от всех близких тебе людей, вдали от какого-никакого, но дома, лучше смерти?

Тем не менее выбор был сделан, я готовился принять все его последствия и учился действовать один, ни от кого не завися и ни на кого не рассчитывая. Отсюда и обучение делать операцию самому себе под местным наркозом, изучение тактики выживания в любых условиях, скалолазание, стрельба, рукопашный бой, фехтование, обучение искусству управлять людьми, а также многое-многое другое. Постепенно я смирился, разве что…

Через год жизни на Базе я попросил Александра Петровича узнать о дяде Игоре.

– Отомстить хочешь? – сразу спросил куратор. Мою историю он прекрасно знал.

Я задумался и честно ответил:

– Не знаю. Хотел бы просто посмотреть на него.

– Ладно, – вдруг согласился полковник. – Постараюсь узнать о нем что-либо, но о мести забудь.

Через несколько дней он появился у меня в комнате, молча бросил на стол конверт и вышел. Я поспешно встал с кровати, зажег лампу и открыл конверт – внутри лежали всего лишь две фотографии одного места, сделанные с разных точек. Я опустился на стул, разложил фотографии на столе и долго не отрывал от них взгляда. Судя по надписи на могиле, которая была на фото, дядя Игорь пережил отца всего лишь на год. Жалел ли я, что это сделал не я? Может быть… где-то глубоко внутри. Мне часто снился сон, как я тихо открываю дверь его дома, поднимаюсь по лестнице (я неоднократно был в доме у дяди Игоря с отцом), вхожу в кабинет… дядя Игорь поднимается с дивана, на котором отдыхает, я подхожу к нему, достаю пистолет. Дядя Игорь испуганно смотрит, пытается что-то сказать, а я стреляю… стреляю… стреляю… уже давно кончились патроны, а я продолжать жать на спусковой крючок… и просыпаюсь.

– От чего он умер? – поинтересовался я при встрече у Александра Петровича.

– Его застрелили в собственном доме. Убийца пришел, когда этот твой дядя Игорь спал на диване в кабинете на втором этаже. Похоже, убийце удалось проникнуть в дом незаметно. Девять выстрелов почти в упор. Стрелял явно не профессионал – всадил весь боекомплект. Убитый, кстати, похоже, успел увидеть убийцу и, возможно, узнать.

Я испуганно вздрогнул: может, сны материальны? Могут ли сны убивать?

Моего испуга Александр Петрович не заметил, а тот сон с тех пор мне больше не снился ни разу.

Много позже меня заинтересовал и другой вопрос, который до этого как-то не приходил в голову: а почему переход осуществляет только один человек? Ведь в незнакомом мире, если кто согласен на такой поход в один конец, всегда лучше быть с кем-то. С кем-то, кому можно доверять, с кем можно поговорить.

Александр Петрович, когда я задал этот вопрос, согласно кивнул:

– Конечно, лучше. Я раньше не стал говорить тебе об этом, ты и так мало что понимал в моих объяснениях, но не получается отправить двоих. Почему, не знаю. И никто не знает. Есть масса версий, каждая из которых не лучше и не хуже другой. Когда еще этого не знали, потеряли двух добровольцев. Один прошел нормально, а второй на той стороне очутился уже мертвым.

Понял я и еще одну проблему, о которой Александр Петрович умолчал при моей первой экскурсии по Базе. Меня-то привезли сюда, когда мне еще и десяти не исполнилось, а потом очень основательно учили и тренировали. И учителя эти были далеко не обычные и очень не простые, и методики их тоже оказались весьма специфическими, но очень и очень действенными. Ну какой, например, обычный учитель будет обучать меня вскрывать сейфы с помощью куска проволоки? Или использовать любой предмет в комнате в качестве оружия? Те же добровольцы вынужденно уходили без такой подготовки – на это просто не было времени. А

значит, их шансы выжить в чужом мире были намного меньше моих. Найти же профессионала-разведчика, согласного на такое вот путешествие в один конец, задача далеко не тривиальная. Ведь кто обычно соглашается на такое? Неудачники, считающие весь мир виноватым в своих бедах, те, кто все здесь потерял и решил начать с чистого листа, либо смертельно больные люди, для которых это последний шанс, как, например, для меня.

Володя отложил гитару и задумался… И долго еще сидел так, обняв руками колени, витая мыслями где-то далеко. Потом встрепенулся, встал и подошел к книжному шкафу. Провел рукой по корешкам книг. Миновал справочники и энциклопедии и замер на разделе с художественными книгами. Немного поколебался и достал первую попавшуюся, не читая названия. Посмотрел и хмыкнул: «Трудно быть богом», Стругацкие. Очень даже забавно. Саму книгу он не читал, но ее пересказывал однажды Гвоздь. Володя плохо помнил конкретные детали рассказа, но суть уловил точно. На ходу открыв книгу, он начал читать.

Книга Володю настолько заинтересовала, что ему пришлось приложить некоторое усилие, чтобы оторваться от нее и отправиться в спортзал. Потом душ – и за компьютер. Ради развлечения полазил по различным форумам. Особенно смешили его рассуждения некоторых оригиналов о том, как реформировать армию. Причем уже по одним постам таких авторов становилось ясно, что армейской жизни они не знают совершенно и не представляют, как вообще функционирует такой сложный механизм, как армия. Мальчик даже в дискуссии не вступал, но читал с интересом, порой сохраняя некоторые посты, чтобы показать Аркадию Семеновичу – командиру отряда охраны Базы, заранее предвкушая, как тот будет зачитывать эти перлы бойцам и как все они будут хохотать. Занятие быстро наскучило. Толковой информации мало, а глупостей… ну, посмеялся, поднял себе настроение, но дальше уже перебор. Володя отправился на литературный форум. Любовь к словесности привила ему Татьяна Николаевна, одна из немногих женщин-преподавателей на Базе. Умела она видеть незаметное в текстах, обращать внимание на мелочи. Володя порой забывал обо всем, слушая ее пересказы книг и их анализ. А какие споры возникали после прочтения… как они увлеченно и до хрипоты обсуждали поступки тех или иных героев… Шекспир, Сервантес, Данте, Гоголь, Пушкин, Достоевский. Достоевский был вообще ее любимым писателем, а вот Володя его так и не понял. Татьяна Николаевна объяснила это тем, что Володя еще не дорос до него. Мальчик не спорил – может, и так, но поделать ничего не мог. Слишком тяжелый автор. Хотя талантлив, тут не поспоришь. Вообще, ее уроки отличались от обычных – они строились в виде беседы, в которой позволялось спорить, перебивать учителя, уточняя материал, если непонятно, или задавать вопросы. Очень оригинальная манера, но Володе она нравилась.

Кроме словесности она еще преподавала культурологию и обычаи народов мира. Потом добавилась история мировых религий и философия. Мальчик улыбнулся, вспомнив первый урок.

Татьяна Николаевна задумчиво оглядела меня, спокойно сидящего за партой и благовоспитанно сложившего руки перед собой.

– Что-то ты какой-то мелкий.

Я сердито засопел. Никому! Никому я не позволял называть себя мелким!!! Да, я слишком маленький для своего возраста, выгляжу на восемь, но мне уже одиннадцать!!! И я уже почти взрослый!!!

– Ну-ну, не кипятись, – вдруг улыбнулась учительница. – Я не хотела тебя обидеть. На самом деле это начало нашего урока.

– Оскорбление? – возмутился я.

– А разве я тебя оскорбила? – делано удивилась Татьяна Николаевна. – Знаешь, по обычаям некоторых народов я сделала тебе комплимент. Там считается, что маленький человек

– это человек, выделенный духом и обладающий особой судьбой. И назвать кого-то мелким – вовсе не оскорбление.

– Да? – Я задумался. – Но я ведь не из этих народов.

– Вот это ключевой момент. Ты обиделся, потому что не воспринял мои слова как комплимент. А вот абориген твоей обиды просто не понял бы. Какой из этого вывод?

Я честно задумался.

– Не знаю, – признал я поражение.

– Вывод же тот, что, если для тебя твои слова кажутся совершенно безобидными, это не значит, что они будут такими же для кого-то другого. Тебе предстоит отправиться в другой мир, где культура может быть совершенно отличной от той, к которой ты привык. И тебе надо научиться принимать ее такой, какая она есть. Пытаться переделать культуру народа под себя не самый лучший способ обеспечить спокойную жизнь. Знаешь поговорку: в чужой монастырь со своим уставом не ходят? Вот это как раз твой случай. А потому научись уважать чужую культуру и чужие обычаи, даже если они кажутся нелепыми или неправильными. Бесполезно в Древнем Риме рассуждать о правах рабов и недопустимости рабства. Тебя не поймут.

– А как же восстание Спартака?

– Как ты думаешь, если бы Спартак победил…

– Невозможно. С того момента, как он повернул от Альп обратно в Италию – он был обречен. Штурмовать Рим он не мог из-за отсутствия сил, а с моря уже подходили легионы Помпея. А это были боевые легионы, а не те тыловые части, что Спартак громил раньше. Победить Спартак не мог даже теоретически – слишком неравные силы.

С каждым моим словом Татьяна Николаевна морщилась все сильнее и сильнее.

– Ладно-ладно. Остановись! Твой анализ военной обстановки понятен. Похоже, тебя хорошо этому учат. Но я вопросы задаю не по военной ситуации, а по моральной. Вот представь, что Спартак победил бы. Что бы в первую очередь сделали его сподвижники после захвата власти в Риме?

– Что?

– Набрали бы себе рабов, конечно. И все быстро вернулось бы на круги своя. Раньше были одни рабами, а другие господами, стало бы наоборот. Поэтому прежде, чем что-то пытаться делать, сначала пойми чужую культуру, обычаи, проникнись ими.

– Даже если эти обычаи совсем дикие?

– Володя, порой меня пугает высокомерие некоторых людей. Объявить что-то диким, варварским, не давая себе труда даже попытаться понять чужую культуру… Обычаи никогда не возникают просто так. Всегда, запомни, всегда у их истоков лежит какая-то целесообразность. Если попытаться изучить историю народа, его культуру, то станут понятны и его обычаи. Да, в текущий момент они могут уже мешать развиваться, но общество консервативно и с трудом отказывается от того, к чему привыкло – это тоже стоит учитывать. Поэтому настоящими дикарями выглядят не те, кто соблюдает какой-то обычай, который кому-то может не нравиться, а те, кто объявляет на основании этого дикарями целые народы, присваивая себе право на всякое там «бремя белого человека» или записывая других в рассадников зла.

– Это вы про империю зла?

– Нет, это я про Толкиена. Если не читал, посмотри. Потом мы поговорим с тобой об отношениях светлых эльфов и орков. Почему автор считал очень добрым делом, когда эльфы уничтожали под корень все поселения орков вместе с женщинами и детьми? А вот если орки делали то же самое с селениями эльфов, то это от их кровожадности, безусловно. Потом можно попытаться составить портрет цивилизации, из которой выходят такие авторы.

– Хорошо. Но вот про обычаи. Вы говорите, что каждый имеет под собой веское основание?

– Да, при рождении обычая.

– Какой смысл тогда запирать женщин в терем в допетровской Руси?

– На момент воцарения Петра уже никакого. Но давай попробуем понять, как появился этот обычай. В Киевской Руси его не было. А вот после монгольского нашествия вдруг появился. Ни о чем не говорит?

Я подумал.

– Хотите сказать, что таким образом мужья и сыновья прятали своих жен, матерей и сестер?

– Правильно. Вспомни, что в городах сидели ханские сборщики податей, которые могли потребовать себе все, что угодно, а отказ грозил карательным походом. Когда в одном из городов убили такого сборщика, дело обернулось сожжением города и уводом его жителей в рабство. Значит, если не можешь сопротивляться – не показывай. За то время, что длилось иго, люди привыкли к такому положению вещей. Да и после оставались еще Крымское ханство, Казанское, Астраханское. И каждое совершало набеги. Только при Иване Грозном удалось завоевать два из трех ханств, но вспомни, что даже при нем крымчаки сожгли Москву. А тем, кто не испытал такого, легко рассуждать о варварстве.

– Это вы на Европу намекаете? – вспомнил я прочитанные записки путешественников и послов.

– В основном да.

– Тогда еще вопрос: отказ от бань в той же Европе. Как вы объясните этот обычай? Люди там начали регулярно мыться только в конце девятнадцатого века.

– Верно. С развитием науки. Но объясню легко. Западная Европа – наследница Западной Римской империи, которая очень долго боролась с христианством. Некоторые императоры устраивали настоящие гонения на христиан, и христиане в ответ демонстративно сторонились того, что считали развращенной империей. По сути, они были правы, кстати, публичные бани в Риме были общие, для нас дикость, а тогда обычное дело. Преследуемые властью, первые христиане ходили в рубищах, жить порой приходилось в пещерах. Когда же империя приняла христианство, началась борьба за чистоту нравов, так, как они это понимали. Пока империя была сильна, она еще поддерживала некоторый порядок, но с момента падения все покатилось в пропасть. Аналогия для людей проста: бани – порождение языческого мира и моются в них грязные язычники. Настоящему христианину это не нужно. Позже появились еще оправдания.

– Так разве это не варварство?

– А с какой стороны смотреть? Европейцы считали варварами русских за то, что те моются каждую субботу. Кто из них прав?

– Вспоминая периодические нашествия чумы в Европу, считаю, что правы русские.

– Это ты основываешься на современных знаниях. А в то время это была вера. И правых с виноватыми тут не выделить. Не уподобляйся тем, кто считает всех варварами только потому, что они не такие, как ты.

– Ну хорошо. Я знаю такой обычай, который вы не сможете оправдать ничем. Каннибализм.

– Опять не прав. Давай-ка, вспоминай, где был особенно широко распространен каннибализм.

– М-м-м-м… – Я задумчиво изучил потолок. – Я помню только из «Детей капитана Гранта». Новая Зеландия.

– Верно. Небольшие острова. Новая Зеландия, Полинезия, Гавайские острова, где аборигены съели Кука.

Точно! Как же я мог забыть!

– И что?

– Вот и смотри. Маленькие острова. Климат хороший, растительности много, но животный мир весьма ограничен. Человеку же, чтобы жить, нужен белок, который он получает, поедая мясо. Без этого человек слабеет, слабеют его умственные способности, через несколько поколений жители таких островов на одной растительной пище выродились бы и погибли. И как же им получить необходимый им белок? Вот и думай над выбором: либо поедай своего врага и живи, либо медленно слабей и умирай.

– Разве те дикари могли знать о протеинах?

– Не думаешь. О белках они знать не могли. Но они не могли не видеть, что тот, кто ест мясо, становится сильнее и здоровее, а кто его не ест, наоборот – чахнет. Мяса же всем не хватает. Легко быть не каннибалом, живя на континенте, где бродят целые стада мяса, а вот на таких островах?

– А как же вегетарианцы?

– Не забывай про современную химию – все необходимые элементы они могут получать с помощью витаминов. На маленьких островах аптек с витаминами нет. К тому же сомнительно, что современные вегетарианцы бегают по джунглям в поисках трав и пашут на полях. Трать они энергию таким образом, недолго они протянут без мяса.

– Но ведь каннибализм был и на континенте.

– Был. Но далеко не повсеместно, и от него быстро отказывались. Итак, какой вывод из сегодняшнего урока?

Я подумал.

– Не делать выводов о чем-то, предварительно не изучив все стороны. Возможно, то, что кажется отталкивающим, имеет какой-то смысл.

– Правильно. Молодец. Самое главное, пойми, в жизни не бывает только двух цветов. Мир намного сложнее черно-белого представления. Но мы об этом еще будем говорить на многих занятиях. Я буду тебе преподавать еще историю религии…

– А это зачем? Думаете, в другом мире тоже христианство?

– Вряд ли. Но изучив историю разных религий, ты поймешь те скрытые силы, которые движут верующими людьми. Поймешь, как та или иная религия отражается на поведении людей, их мировоззрении и поступках. Пытаясь вжиться в новое общество, нельзя пренебрегать мелочами.

С урока я вышел крайне задумчивым и потом еще долго размышлял над услышанным.

Володя поймал себя на том, что уже давно смотрит на один и тот же кусок текста. Вздохнув, он закрыл браузер и откинулся на стуле. Скучно. За последние три года он уже отвык от безделья и сейчас, оказавшись предоставленным самому себе, просто не знал, чем заняться. Принял обезболивающее, почитал, потренировался, поразвлекался в Сети, а дальше что? Впереди две недели, а выть с тоски хочется уже в первый день. И воспоминания о прошлом в голову лезут. Хорошо, приятные, а не смерть родителей, например.

Володя поднялся и снова отправился в спортзал, несмотря на боль. Достал мечи и начал упражнения, доводя себя до изнеможения. Уже когда с трудом стоял на ногах, а руки не могли поднять оружия и думать ни о чем не хотелось, мальчик понял, что первый день карантина закончился, но дальше так продолжаться не может. Более-менее взбодрившись под холодным душем, он приготовил себе горячего чаю.

Володя вернулся в комнату. Под потолком немедленно потухли кварцевые лампы. Их он заметил во всех помещениях изолятора, и включались они только тогда, когда его там не было. Жаль, что самому включить их нельзя, а то бы позагорал. Впрочем, Володя понимал глупость своего желания – при его болезни загорать не то что вредно, а даже противопоказано. Но после

такого тоскливого дня чего только желать не начнешь. Нет, с этим определенно надо что-то делать.

Володя разобрал постель, разделся и лег. Но прежде, чем уснуть, составил четкий план на следующий день.

Глава 5

Отправляясь на карантин, Володя надеялся хоть немного отдохнуть, с таким расчетом и строил планы на эти дни. Как бы не так. Оказалось, что от привычек, приобретенных за три с половиной года жизни на Базе, не так-то просто избавиться. А потому он проснулся ровно в шесть утра и минут десять ворочался на кровати, усиленно пытаясь заснуть, убеждая себя, что вчера поздно лег, что очень устал и вообще вставать на тренировку не надо. Потом плюнул и поднялся. Полчаса потратил на разминку и, пока принимал контрастный душ, успел немного подкорректировать планы на день. Потому сразу из душа отправился за компьютер и поднял материалы по «Городу Солнца» Кампанеллы. Татьяна Николаевна давно просила оформить в виде аналитической записки тезисы, которые он выдвинул в дискуссии с ней, прогнозируя возможное развитие общества, построенное на основе идей Кампанеллы. Раньше все времени не хватало, а сейчас его было навалом, можно провести с пользой и отвлечься от вновь появившейся боли – делать обезболивающий укол совершенно не хотелось. Как раз за две недели карантина можно уложиться. Поработав до обеда, он отправился на кухню и приготовил себе поесть. Какая все-таки прелесть эти обеды быстрого приготовления! Поставил в микроволновку, разогрел, и готово.

Потом мальчик опять засел за компьютер, но уже не для работы, а для развлечения. Когда ему надоело лазить по форумам, снова вернулся к книге, отложенной вчера. Можно было бы ее прочитать быстрочтением, но не хотелось. Если книга Володе нравилась, он предпочитал читать медленно и вдумчиво. Потом он говорил с врачами, ведущими за ним наблюдение, а после к стеклянной стене один за другим пришли преподаватели. Каждый счел своим долгом пожелать удачи, осведомиться о здоровье. Потом мальчик снова отправился в зал на тренировку, но уже серьезную, а не на зарядку, как утром. После душа Володя устало плюхнулся на кровать и снова взялся за книгу.

Примерно в таком ключе прошло трое суток. На четвертые к стеклянной стене пришел майор Леонид Львович Линьков. Володя не мог скрыть радости. Майор рассмеялся:

– Ну-ну. Помнится, при нашей первой встрече ты бросался на меня с кулаками и грозился при случае утопить.

– Это было вовсе не при первой встрече, а на первом совместном задании, – уточнил Володя. – И вообще… я бы на вас посмотрел, если бы кто стал издеваться так над вами.

Майор усмехнулся и вдруг как-то изменился. Взгляд стал жестким и колючим, поза вроде бы расслабленная, но… Володя оценивающе посмотрел на него и вздохнул.

– Да уж… посмотрел бы я на того храбреца, точнее, идиота, который решится поиздеваться над вами.

– Издеваются над теми, кто позволяет над собой издеваться.

– Значит, я…

– Ты буквально напрашивался на это, – усмехнулся Леонид Львович.

– Приказ директора был, конечно, совершенно ни при чем? – ехидно поинтересовался Володя.

Он подкатил одно из кресел поближе к стеклянной стене и сел. Леонид Львович устроился в точно таком же кресле, но с другой стороны.

Да уж, веселые были деньки… если об этом можно так сказать. Тогда Володя подумал, что директор решил показать ему все круги ада…

Виталий Дмитриевич неожиданно вызвал меня к себе с тренировки. Михайло Потапыч, вопреки обыкновению, не возмутился, что занятие прерывается, а только кивнул мне. Похоже, это было оговорено заранее.

В кабинете директора находился еще один человек. Среднего роста, особых примет нет, стрижка короткая, волосы светлые, глаза карие, привычно отметил я. Поза вроде расслабленная, но видно, что человек напряжен. Я на всякий случай встал от него подальше, настороженно косясь на гостя. Мужчина переглянулся с директором и кивнул, словно я только что сдал какой-то экзамен.

– Володя, нам очень повезло. На Базу перевели отряд майора Линькова. Они здесь должны немного отдохнуть, заодно подтянут нашу охрану. Я рассказал Леониду Львовичу о тебе, и он согласился, что тебе стоит подучиться еще кое-каким навыкам, которые могут пригодиться в будущем.

Занятия? Новые? Ну, это вполне привычно. Вряд ли страшнее тренировок с Михайлом Потапычем или Павлом Викторовичем Шутером. Последний вообще зверь, особенно со своими упражнениями на развитие подвижности суставов и растяжку.

– Итак, с сегодняшнего дня ты зачисляешься в отряд майора Линькова. Товарищ майор, забирайте своего нового подчиненного.

Вот тогда я узнал, что такое ад… Отряд майора действительно оказался немного… специфическим. Он должен был действовать в тылу противника. Очень глубоко в тылу. И подготовка у них оказалась соответствующая.

Сразу после того, как меня зачислили в этот отряд, командир велел готовиться к походу, и в первый же день… Я оказался бесправной скотиной, мальчиком на побегушках: принеси-унеси. На привалах чистил всем обувь, готовил еду. Наверное, издевательства «дедов» в самом зачуханном гарнизоне по сравнению с тем, что терпел я, могли показаться заботами доброй бабушки.

Сначала я немного обалдел от такого обращения и потому даже не сопротивлялся. Потом задумался и пришел к выводу, что это очередной тест, а значит, после похода начнется разбор полетов. Только непонятно, чего от меня хотят. Я должен покорно сносить все эти издевательства? Типа, проверка терпения? Или должен возмутиться и добиться уважения к себе? Проверка лидерских качеств? Когда поход закончился, я так и не успел ничего решить. Ну, послушаем, что скажут психологи и Линьков.

А ничего не сказали. И никаких разборов никто не устраивал. Я так и остался в отряде не пойми кем. Точнее, очень даже понятно кем – рабом. Я должен был делать уборку во всех комнатах, исполнять малейшие прихоти любого бойца. Похоже, я начинал их ненавидеть. Надо было думать, что делать. Ну не идти же жаловаться директору. Вопрос: кем я хочу быть в новом мире? Не рабом же. Значит, свои права надо отстаивать. Решив так, я начал разрабатывать план мести. Особенно ненавидел майора – самые изощренные издевательства придумывал именно он. Начал я с мелких пакостей, но после них солдаты просто озверели… оказалось, драться они умеют не хуже меня, а масса у них больше. Получилось как в анекдоте: сильный, но легкий. Потому начал пакостить якобы от имени других солдат отряда. Почему-то не помогло, вычислили быстро, и досталось сильнее. Через несколько дней мы с майором снова стояли в кабинете директора под пристальным взором Виталия Дмитриевича. Я демонстративно смотрел куда угодно, только не на Леонида Львовича. Директор хмыкнул и повернулся к майору. Тот задумчиво почесал подбородок.

– Ну что я могу сказать? Он безразличен к себе и другим, он, как это сейчас модно говорить у молодежи, пофигист. Честно говоря, после похода я думал отказаться от обучения и предостеречь вас, однако у него есть и положительные стороны. Он умеет молниеносно оценивать обстановку, настойчив и никогда не сдается. Если убеждается, что противник сильнее и его план ошибочен, мгновенно отступает и придумывает новый путь к цели. И не нытик. Как бы ни было трудно, ни разу не сорвался.

Значит, это был действительно очередной тест, понял я.

– Что ж, я очень рад, что он выдержал испытание, Леонид Львович. Володя, я понимаю, каково тебе пришлось, но ты, если хочешь научиться командовать, должен прежде всего научиться подчиняться.

Подчиняться? Это называется учиться подчиняться? Ну, я не знаю. По-моему, это было нечто другое.

– И я очень рад, – продолжал директор, – что этот экзамен ты прошел и майор согласился тебя учить. А раз так, – директор достал из стола какую-то бумагу и протянул мне, – ты временно получаешь звание майора и назначаешься командиром отряда. Задание получишь завтра утром.

– Что?! – Я настолько удивился такому повороту, что даже забыл о субординации. – Я назначаюсь кем?

– Вопросы, майор?

Я опомнился.

– Никак нет, товарищ генерал!

– В таком случае – кругом, завтра в семь ноль-ноль прибыть для получения задания…

– Есть! – Я выполнил команду «кругом», покинул строевым шагом кабинет и только за дверью расслабился.

Многого ожидал, но такого…

Задание заключалось в том, чтобы захватить базу противника, расположенную в двадцати километрах от нас. Как я понял, роль противников будет играть один из отрядов охраны. Получив на складе пневматическое оружие, стреляющее красящими шариками, и прочее снаряжение, мы двинулись в поход. Первое время я думал, что все будет просто: люди опытные, мое вмешательство вряд ли потребуется. Ага! Все мои подчиненные притворялись, что совершенно не представляют, что надо делать, и бегали ко мне по малейшему вопросу. Даже как оружие пристегнуть спрашивали. Я медленно закипал, а потом наговорил много лишнего майору Линькову, после чего приготовился к смерти. Но тот лишь вытянулся в струнку и, пожирая меня глазами, твердил: «Так точно, товарищ майор! Вы совершенно правы, товарищ майор! Исправимся, товарищ майор!» Я отошел в сторонку и долго стучал лбом в дерево. И куда делась моя выдержка, которая приводила в такое удивление весь персонал Базы и психологов? Линьков умудрился вывести меня из себя всего за месяц. Талант. Но делать нечего, пришлось приниматься за дело, не надеясь ни на чью помощь. Закончилось все тем, что я загнал весь отряд в болото и, чтобы выбраться, пришлось вызывать помощь. При этом я видел, что все понимают неправильность моих действий, но никто не подсказал и не помог! Изверги!!! Более того, если какой-то мой приказ можно было истолковать неправильно, он истолковывался неправильно, в результате мне приходилось отслеживать исполнение чуть ли не каждой команды.

Сразу после того как нас из болота доставили на Базу, меня вызвал директор. Я даже помыться и переодеться не успел. Только я, потому что остальные переодеться успели, пока я, как командир, сдавал на склад снаряжение. Грязный и злой я стоял перед директором рядом с чистеньким майором Линьковым. Директор рассматривал нас обоих ироничным взглядом и кивал своим мыслям.

– Что ж, майор, надеюсь, этот урок пойдет вам впрок и вы начнете понимать, что один не сможете сделать ничего и что к советам других, более опытных, надо прислушиваться!

– Что?! – Это было последней каплей. – Я не прислушивался?! Да я буквально умолял их всех дать хоть какой-то совет!!! И ничего кроме: «Как вы прикажете, товарищ майор» не добился! И это спецподразделение? Что это за спецподразделение, в котором солдаты не могут даже в кусты сходить без приказа командира?! – Тут я наткнулся на благодушный взгляд Виталия Дмитриевича и скис. Ну конечно, как сразу не понял, что и это очередной тест.

– Ну а что ты хочешь? – патетически возвестил он. Даже руку в экспрессии поднял. – Сам подумай! Боевой майор, командир подразделения, которое выполняло секретные задания за рубежом, участник двух войн в Чечне. У него ордена всю грудь закрывают. И вот во главе отряда поставили какого-то сопляка за непонятно какие заслуги! Как бы ты к этому отнесся?

Я искоса глянул на Линькова. Тот сохранял каменное выражение лица, но его губы слегка подрагивали, выдавая истинное состояние. Похоже, он с трудом сдерживал хохот и уж точно обиженным не выглядел.

– Ну да, конечно. Обиделись они, – пробурчал я. – Я для них Олег Попов, Петросян и Задорнов в одном флаконе. Смотрели и смеялись. Как там?.. «Ну тупой он».

Майор уже сдерживаться не смог и рассмеялся.

– Рад, что ты сохраняешь оптимизм, – покивал директор. – Однако мы убедились, что командовать тебе пока рано.

– А я никогда и не утверждал обратного, – буркнул я.

– Рад, что ты трезво оцениваешь свои способности. Ты должен научиться отдавать команды коротко и настолько ясно, чтобы даже идиот не смог бы их понять неправильно, даже если бы захотел. Тем не менее с этим надо что-то делать. Научиться командовать людьми можно только наблюдая за настоящим командиром. И я рад, что майор Линьков согласился взять тебя в свою команду. Отныне ты назначаешься его заместителем. Обязанности он тебе объяснит сам, однако, зная майора, могу сказать, что спокойных деньков у тебя не будет. А сейчас отправляйся в душ и переодевайся.

В чем директор не ошибся, так это в том, что спокойных дней у меня действительно не стало. Зато именно теперь и начались настоящие занятия. И если раньше я готов был Леонида Львовича растерзать, то сейчас уже начал его уважать. Он умел объяснить сложную ситуацию простыми словами, умел интересно рассказывать, всегда отвечал на все мои вопросы и часто делился опытом, почерпнутым в командировках. Причем, как я подозревал, многое из этих рассказов до сих пор проходило под грифом «совершенно секретно».

– Это вам генерал велел ничего не скрывать от меня? – поинтересовался я однажды.

– А тебе зачем это знать? – задал встречный вопрос Линьков. – В общем, ты прав, конечно, но твое любопытство совершенно не в тему.

Ясно. Очередной урок. Самое интересное, что эти месяцы, когда я находился в отряде майора, дали мне больше, чем все предыдущие занятия. Да, меня научили сражаться, подготовили к руководству, но все это была теория. Зато сейчас ничего, кроме практики. Как заместитель командира, я должен был являться посредником между ним и бойцами. Я узнал характер каждого солдата, узнал, когда у кого день рождения и какие у них проблемы, готовил карты маршрутов, отвечал за оружие.

– Вот что: кажется, основные обязанности ты неплохо освоил, – заявил мне однажды Линьков. – Пора их расширять. С этого момента ты отвечаешь за готовность снаряжения группы. У нас на следующей неделе ожидается учебный бой со здешней охраной. Как только уточнится цель учений, подготовишь список необходимого и получишь его на складе.

Дело показалось мне не очень сложным. Сами учения проходили с особым оружием: пневматическим, стреляющим красящими шариками, похожим на пейнтбольное. Отличие было в том, что в каждое монтировалась простейшая электрическая схема, имитировавшая звук выстрела того оружия, которое эта пневматика изображала. Как мне пояснили, для привыкания к звуку, а также чтобы научить бойцов распознавать оружие по выстрелам. Ну и соответствующее защитное снаряжение нужно было получить, включая маски с плексигласовыми забралами.

Просто, ага. В первый же раз я умудрился забыть спальные мешки. Линьков явно видел мою ошибку, но ничего не сказал. Зато когда пришло время отдыха… тут мне ее и припом-

нили. Пришлось изворачиваться. Так с тех пор и шло. При этом Линьков считал, что самый быстрый способ обучения – на собственных ошибках. Потому никакой помощи никогда мне не оказывал и никогда не советовал. Зато если я где ошибался…

«А подайте-ка мне сюда капитана (директор после моего неудачного командования понизил меня в звании) Старинова Владимира Викторовича. Итак, товарищ капитан, вы отвечали за подготовку группы. Почему же вы не позаботились об альпинистском снаряжении? Что значит, не думали, что оно пригодится? Вы карту маршрута внимательно изучали? Горы там видели? Что? Думали, они тут не очень высокие? Да… Тут либо безответственность, либо явная диверсия. Да еще и полнейшее неумение читать карту. В боевой обстановке я бы приказал вас расстрелять, сейчас же ищите спуск, где можно преодолеть обрыв. По возвращении займемся тактической подготовкой с картой».

И вот, пока все отдыхали, я как проклятый лазил по кустам, выискивая удобное место для спуска. В одном майор прав, такое вот исправление собственных ошибок напрочь отбивает желание их совершать в будущем. Но и излишняя предусмотрительность тоже не одобрялась. После того как задание выполнялось, Линьков велел собирать все, что нам не пригодилось.

– Итак, господин Старинов, – вещал он в этом случае, – вы, видимо, полагаете, что мои солдаты мулы, которых надо нагрузить всем, чем можно, в надежде, что авось пригодится. Что ж, полагаю, вам нужно объяснить, насколько важно в поход брать ровно столько груза, сколько необходимо. Каждый лишний грамм может оказаться опасным для задания. Будьте добры, весь этот неиспользованный инвентарь упакуйте и совершите путешествие по штрафному маршруту. Может быть, тогда вы поймете, как важно правильно рассчитывать полезный груз.

Штрафной маршрут – изобретение Линькова. Он лично излазил окрестности и проложил его на карте. Не очень длинный, всего лишь десять километров, но вел он по таким холмам и буеракам… даже налегке я его проходил только за сутки. С грузом времени тратилось много больше. Тащить ведь приходилось не только штрафной груз, но и запасы еды. Вот уж действительно тест на умение правильно выбрать необходимые вещи. Тащить же придется и полезное, и бесполезное. И не дай бог что-либо из бесполезного потерять по дороге. Такое со мной еще ни разу не случалось, но что в этом случае придумает майор, я примерно догадывался. И эта догадка мне сильно не нравилась.

– Некоторые умники полагают, что война зависит от мужества солдат, – заявил както майор.

– А разве не так? Вот если бы не мужество людей под Москвой в сорок первом…

– Ты путаешь. Я сказал война, а ты говоришь о сражении. Сражение действительно зависит от солдат, а вот война… Никакое мужество не поможет, если снабженцы не смогут вовремя подвезти боеприпасы, новую одежду, провиант. Патовая ситуация в Первой мировой во многом связана не с системой защиты, а именно с проблемой снабжения. Прорыв Брусилова, Юго-Западный фронт… Но войска смогли наступать ровно столько, насколько хватило их запасов. Потом они закончились, тылы отстали, грузовиков мало, а подводы не успевают за наступлением. И так на всех фронтах. Вот и проиграна война с выигранным сражением. Наполеон вел лучшую армию Европы, выиграл до Москвы почти все сражения, но Кутузов перехватил коммуникации и очень скоро эта лучшая армия превратилась в сброд. Потому войны ведут полководцы, а выигрывают их снабженцы. Вот и изучай эту истину на собственном опыте. Пригодится.

Я и изучал. Задумавшись над словами майора, я потеребил преподавателя военной истории, и мы с ним занялись изучением того, как эту проблему решали в древности. Хорошо иметь транспортную авиацию, тысячи километров железных дорог, десятки тысяч шоссейных. А как быть, если из всех возможных средств снабжения – телега и раскисшая дорога,

которая весной и осенью превращается в месиво? Похоже, серьезно проблемой снабжения озадачивались только римляне, для чего и строили свои дороги, которые верой и правдой служили в любое время года, обеспечивая легионы всем необходимым в любой точке империи. Ну, естественно, еще водный транспорт.

Потом майор решил заняться индивидуальной подготовкой… своей. Заключалась она в том, что ему давалась фора в четыре часа, а потом весь отряд под моим командованием выходил в погоню. Опыт я уже имел и потому в болото больше никого не загонял, да и остальные бойцы помогали мне по мере сил. Однажды Линьков подошел ко мне:

– Ну что, суть игры уяснил?

– Уяснил, – ответил я, потирая бок, по которому меня хлестнула ветка ловушки, подготовленной майором. Привяжи он к ней колья, и все могло бы закончиться не только ушибом.

– В таком случае теперь твоя очередь убегать. Фору тебе дадим побольше – пять часов.

Меня поймали через три часа после истечения времени форы. А я-то думал, что хорошо спрятался… считал себя уже подготовленным в плане выживания. Оказалось, что просто выжить в лесу и выжить, когда за тобой ведут охоту профессионалы, совершенно разные вещи. Линьков при разборе занятия был безжалостен и язвителен. По его словам, единственное, что я могу, – играть в песочнице. А в конце дал совет:

– Ты допускаешь одну ошибку дилетанта. Пойми, твоя задача не уничтожить всех преследователей, а уйти от погони. Твои ловушки рассчитаны на то, чтобы убить, но смерть товарищей может заставить удвоить усилия по твоей поимке, и ты добьешься обратного желаемому. Раненый же отвлечет как минимум двоих от погони – самого раненого и того, кто должен будет помочь ему выбраться. К тому же раны могут быть опасны… многие спокойно смотрят в лицо смерти, но испугаются стать инвалидами. Глядя на раненых, они станут осторожнее, и тебе будет легче уйти…

Я разозлился и в следующий раз подготовился получше, разработав план заранее. Наша База находилась в глубине тайги, до ближайшего жилья было километров четыреста. Это давало нам возможность тренироваться, не беспокоясь о встрече с посторонними.

Как с самого начала и говорил майор, дело не в хитрых планах, а в опыте, который приобретается на тренировках. К концу занятий мне удалось скрываться от поисковых групп почти три недели – это был мой рекорд, который побить мне так и не удалось. Как потом признался директор, если бы я продержался еще день, он бы отдал команду на возвращение. Обидно. Зато эта тренировка имела несколько неожиданные последствия. Виталий Дмитриевич встретил меня у входа лично. Я сделал краткий доклад и теперь ждал, когда меня отпустят наконец в горячий душ и мягкую постель. Директор же оглядел те лохмотья, в которые превратилась моя одежда, и хмыкнул:

– Хорош. А как обувь? Обувка прочнее, но… Александр Петрович, наша недоработка. Надо нам с вами заняться набором одежды для мальчика. Ему ведь там не три недели предстоит жить. Подберите материал и форму одежды. Также не помешает запасной материал, и надо бы научить нашего молодого друга шить.

Вот уж не думал, что вместо похвалы мне подбросят новые предметы для изучения. Подумать только, шитье! Брр.

После всех совместных тренировок Леонид Львович стал настоящим другом для Володи наравне с Александром Петровичем. Неудивительно, что он обрадовался, когда тот появился на Базе, хотя мальчик уже и не рассчитывал с ним увидеться. Линькова вместе с отрядом за месяц до этого вызвали в очередную командировку, а сколько она продлится и какой сложности… кто знает.

– Я уже и не думал, что вас увижу! – так и сообщил мальчик.

– На этот раз занимались местной бандой, – признался Линьков. – Знаешь, у меня такое ощущение, что если мы завтра арестуем дьявола, то и его некоторые личности объявят борцом с режимом.

– Опять политика?

– Она самая. Разбирались с одной группировкой, которая решила, что ей не помешают собственные боевые отряды.

– А вы…

– У нас никто не пострадал, не волнуйся.

– Ну и слава богу.

К сожалению, эта встреча действительно оказалась последней – через три часа Леониду Львовичу нужно было лететь в Москву получать очередное задание. Как он объяснил, ему с трудом удалось добиться разрешения попрощаться с Володей. Мальчик пожелал ему удачи, а потом еще долго стоял у стекла, глядя на закрытую дверь, за которой скрылся майор Линьков. Провел рукой по глазам, но те были совершенно сухи. Мальчик вздохнул. Сейчас ему хотелось броситься на кровать и разреветься. Или хотя бы просто поплакать, быть не разведчиком в чужом мире, а обычным тринадцатилетним мальчишкой. Психологи говорят, что после того, как поплачешь – становится легче. Увы, он был лишен возможности проверить это утверждение.

За несколько дней до окончания карантина в закрытую зону пришел Александр Петрович.

– А как же карантин? – удивился Володя, когда Александр Петрович с большой и явно тяжелой сумкой в руке вышел из дезинфекционной камеры.

Полковник оглядел выданный ему костюм и поморщился:

– Ну и воняет от него! А карантин… медики перестраховываются, как обычно. Собственно, карантин уже можно прекращать, только наши умники еще не подобрали подходящий мир.

– Меня всегда интересовало, как они это делают, если не могут туда заглянуть, кроме как с помощью робота. А это ведь не самый быстрый способ.

Полковник поставил сумку на пол и сел в кресло. Володя устроился на кровати.

– Как они мне объяснили, все дело в параметрах мира, которые можно снимать и отсюда. Давление там и еще что-то, чему даже название не придумали. Как я понял, совокупность всех этих данных позволяет оценивать мир и степень развития цивилизации, если таковая есть.

– Это как?

– Понятия не имею, – честно ответил Александр Петрович. – Я пытался разобраться, но… Сам принцип прокола «окна» настолько сложен, что до сих пор его механизм до конца не ясен – эффект открыли совершенно случайно. Мы сейчас как те обезьяны, которым показали, на какие кнопки нажимать. Ну а что нашим умникам удалось узнать в процессе экспериментов – тем и пользуемся. Они говорят, что точно смогут определить необходимый мир, и я им верю. Тем более первым все равно пойдет робот и подтвердит или опровергнет их выводы.

– Логично, – согласился Володя.

– Я, собственно, не по этому вопросу, как ты понимаешь. Ты как себя чувствуешь?

– Не очень. Боль усиливается и приступы все чаще… но, вопреки угрозам врачей, пока терпимо.

– Ясно. Они тебе какой-то новый препарат вводят, надеюсь, все будет хорошо. И раз ты в порядке, то… – Полковник подтащил к себе сумку и раскрыл молнию. – В оставшуюся неделю ты должен выучить легенду.

– Легенду? – нахмурился Володя. – Какую еще легенду?

– Самую обычную. Раз ты решил отправиться в мир мечей, надо подумать, кем ты в нем будешь. Если основываться на тех выводах, которые сделали наши умники на основе уже изученных миров…

– Они же общество не изучали.

– Ну, воздушные шары в примитивных мирах подвешивали, так что кое-какие фотографии есть… да ты же их видел. И вообще, не перебивай, а? Потом вопросы задашь.

Мальчик сидя вытянулся и шутливо козырнул.

– Угу. К пустой голове руку не прикладывают. Так вот, каким бы мир ни был, но человеческое общество всегда строится по типу социальной лестницы.

– И чем менее развит мир, тем более четкая граница между социальными слоями…

– Ну глупость же сморозил и сам об этом знаешь, – поморщился Александр Петрович. – Даже мне это понятно, хоть я и не специалист.

– Просто слова неверно подобрал, – начал оправдываться Володя. – Скажем… чем старше социальная система и чем больше она устоялась, тем прочнее границы.

– Вот так точнее. Кстати, не поэтому ли ты выбрал такой мир? Ведь в раннем Средневековье граница между дворянством и остальными слоями очень зыбкая… Впрочем, нет, ты, скорее всего, и не думал об этом… В общем, ты, конечно, если захочешь, сможешь там быть фермером или купцом, но стоит побеспокоиться о том, чтобы иметь возможность занять и более высокое положение. Зря, что ли, ты получал образование? Итак, – полковник вынул из сумки небольшой цилиндрический футляр, судя по всему, прочный и герметичный. Отвинтил крышку и достал оттуда свиток. – Вот. Здесь генеалогическое древо семьи Стариновых. Кое-что мы восстановили, поэтому вплоть до твоего прапрадедушки все достоверно. А дальше немного сочинили.

Мальчик с интересом взял свиток, посмотрел:

– Я – князь?!

– Почему бы и нет? – улыбнулся полковник. – По легенде, твоему роду несколько сотен лет, и он все это время верой и правдой служил отечеству. А это, – полковник протянул Володе свернутую в трубочку тетрадь, – история твоего рода. Естественно, и генеалогию, и историю ты должен будешь выучить наизусть.

– За неделю?

– Не обязательно. В другом мире тебя постараются выбросить в стороне от жилья. Я очень тебя прошу, хотя бы годик поживи в стороне. Подрасти немного. Договорились?

Мальчик неопределенно пожал плечами.

– Ну, в любом случае, ты не сразу отправишься к людям, так что время у тебя будет. А вот первая грамота на княжеский титул, который получил твой предок.

Володя осторожно взял старинный свиток и с опаской развернул – выглядел он настолько древним, что к нему было боязно лишний раз прикоснуться.

– Материал тех времен. Сам свиток искусственно состарен.

Мальчик пробежал текст взглядом, запоминая.

– Вот герб князей Стариновых. – Новый лист лег на кровать.

Мальчик взял его и усмехнулся.

– Что-то мне это напоминает. Не подсказывайте, сам догадаюсь… Вроде бы тут чего-то не хватает… вроде бы тут еще три буквы раньше были: КГБ.

– Верно. Щит и меч. А почему нет? Ни о КГБ, ни о ФСБ в том мире точно никто не слышал. А так… будет реклама. Сделаешь рекламу гербу?

– Вам какую рекламу? – невинно поинтересовался Володя. – Из времен НКВД?

– Шутник. А вообще, любую делай на свое усмотрение, лишь бы внушала…

– Шок и трепет. Понял. – Володя отложил герб и снова взялся за тетрадь

– И это все мне надо выучить? – поинтересовался он, пролистывая придуманную историю рода.

Если верить этим записями, у него в семье все сплошь герои, верой и правдой служившие царю и отечеству. А, нет, вот один мот и бездельник, промотавший все свое состояние, и потому род обеднел. Потом, правда, частично удалось восстановить положение. Ага, вот еще одна паршивая овца… ну, конечно, если все сплошь герои, то это подозрительно. Судя по всему, тут взяты за основу реальные биографии некоторых людей, которых просто записали в его предки.

– Конечно. Как же, потомок таких знатных людей и не знаешь своих предков? Непорядок. Но пока отложи, потом посмотришь. Тебе логично будет представляться путешественником из далекой страны, куда по какой-либо причине ты не можешь вернуться. Подробности, без знаний реалий, придумать нельзя, так что тут тебе придется разбираться на месте, мы же просто подготавливаем твое вживание в новое общество. Насколько это все тебе пригодится там, будешь смотреть по прибытии.

Полковник покопался в сумке и достал две коробочки. Тяжелые, судя по тому, как осторожно он их положил на кровать рядом с Володей.

– И вот еще. Человек остается человеком в любом мире, потому это точно лишним не будет.

– А что это? – с интересом спросил мальчик.

– Золото. Мы постарались придать ему форму отчеканенных монет.

Володя открыл коробку и хмыкнул. В ней действительно аккуратно располагались золотые монеты с немного неровными краями, словно их обрубали вручную. Мальчик взял одну, размером с современный российский рубль, и внимательно рассмотрел. На одной стороне отчеканен двуглавый орел, а на другой… Володя рассмеялся.

– Его величество император Всероссийский Владимир Первый Владимирович.

– Ну, чеканить портреты правителей на монетах – традиция древняя. Даже американцы этим балуются. Так что нынешний президент и попал на монеты. Ну не придумывать же кого-то?

– Да я, в общем-то, не против, – сказал мальчик. – И какая проба?

– Не четыре девятки. Такую высокую пробу научились получать относительно недавно, а проверять чистоту золота умели давно. Оно тебе нужно, такие проблемы? Тем более из того же количества золота мы изготовили больше монет.

– И на сколько расщедрилась ваша контора?

– Сто монет по восемь граммов каждая с примесью серебра. Нельзя предполагать, много это или мало, но в нашем мире это значительная сумма. Мы решили подстраховаться и добавили двести монет из серебра. – Полковник достал еще четыре коробочки. – Правда, их вес несколько меньше – семь граммов. Кроме того, тебе передадут несколько драгоценных камней. Они хоть и искусственные, но, полагаю, там спецов, способных отличить искусственный алмаз от естественного, нет. К сожалению, немного, но лишними, думаю, не будут. Их показать не могу, они пока в сейфе у директора лежат. К переходу их упакуют.

Мальчик рассмотрел и серебряные монеты, потом сложил все обратно.

– Надо бы в одежде предусмотреть место для всего этого богатства.

– Предусмотрели. Часть монет можно разместить в поясе, основная масса войдет в жилет, остаток поместится в плаще. Да, еще кошелек… Ну и сам сможешь что-нибудь придумать.

Володя отложил коробки и вновь принялся просматривать документы, что принес полковник. Историю семьи он бегло пролистал, теперь не забудет. Проблема была только в том, что, обладая тренированной фотографической памятью, он запоминал не текст, а буквы и их расположение. Потому, даже запомнив страницу, он не смог бы сказать, о чем там говорится, если мысленно не прочитал текст уже из памяти.

– Собственно, почему я принес эти записи сейчас, а не передал их при переходе? Просмотри, и если будут какие вопросы или пожелания – скажи. Постараемся подправить, если понадобится.

– Да нет, спасибо. Вряд ли я смогу придумать больше и лучше, чем ваши аналитики. Надеюсь, аборигены не сумеют отправить сюда запрос на проверку достоверности всех этих историй, – мальчик потряс листами.

– Не переживай. Если они найдут такой способ, мы обеспечим подтверждение всех сведений. Поверь, это в наших силах.

– Ничуть не сомневаюсь, – улыбнулся Володя.

– Тогда еще встретимся. – Александр Петрович поднялся. – Врачи запретили мне долго тут находиться. Я забираю все монеты, собственно, я их и приносил только похвастаться, а вот бумаги оставляю.

Володя тоже поднялся. Дождался, когда куратор покинет бокс карантина, и вернулся к бумагам – читать предстояло еще много. И надо ведь все это выучить…

За оставшееся время Володя успел закончить свой доклад и переслал его Татьяне Николаевне, а потом только изучал переданные материалы и тренировался. Чтение биографий вымышленных Стариновых невольно заставило вспомнить отца. Интересно, что было бы, если бы все это оказалось реальностью? А сейчас? Как к этому относиться? Как отнестись к некоему полковнику Старинову, во время Наполеоновских войн оставшемуся прикрывать с небольшим отрядом отход основной части войск? Из того боя полковник так и не вышел. Майоры, капитаны, полковники – все они служили, многие погибали… А вот его отец… Читать вымышленную биографию не хотелось. Князь Старинов, отвечающий за безопасность своей территории. По сути, конечно, верно. Читая это, Володя как никогда ощущал себя самозванцем, присваивающим то, что ему никаким образом не принадлежало. Ведь все те герои и даже те, что не герои – реальные люди, как бы они отнеслись к такому присвоению их биографий?

При очередной встрече с Александром Петровичем мальчик поделился своими сомнениями. Тот, вопреки опасениям, не высмеял его.

– Серьезный вопрос. Честно говоря, я должен был сам об этом поразмыслить. Но знаешь, что я думаю?

Мальчик заинтересованно посмотрел на полковника сквозь разделявшее их стекло.

– Если ты станешь их достоин, они будут гордиться таким родством. Главное, не опозорь их память.

После встречи Володя еще долго думал об этих словах, и словно вся тяжесть выдуманного княжеского рода навалилась на плечи. Будто все эти предки оценивающе смотрели на него, наблюдая, как их потомок будет справляться с проблемами. Достоин он встать рядом с ними или нет?

В последний день карантина Александр Петрович снова навестил его. Они долго стояли у стекла, смотря друг на друга.

– Ты меня очень беспокоишь, – вдруг сказал наставник.

– В каком смысле? – удивился Володя.

– Твое отношение к жизни. Твое безразличие к тому, что с тобой будет. Ты даже смеяться стал редко, только улыбаешься слегка. И даже возможную смерть от болезни воспринимаешь скорее с любопытством.

Володя нахмурился, пытаясь понять, к чему ведет полковник.

– Я вас не понимаю.

– Я беспокоюсь за тебя, потому и хочу попросить об одной вещи.

– Попросить?

– Да. Если ты действительно считаешь меня своим другом, выполни одну просьбу: не обещай никогда никому того, чего не сможешь исполнить, но если пообещал, выполни.

– Я не понимаю…

– Постараюсь объяснить. Я боюсь, что однажды тебе все может надоесть, ты устанешь жить. Я надеюсь, что какие-нибудь невыполненные обещания помогут тебе удержаться от этого пагубного пути. Если у тебя будет хоть какая-то цель, то станет больше шансов найти свой путь в жизни.

Мальчик задумался. Все это казалось ему такой глупостью, но почему бы и не выполнить эту просьбу наставника? К тому же он и сам считал, что обещания надо выполнять.

– Хорошо, Александр Петрович. Я обещаю вам.

Полковник кивнул. Постоял некоторое время молча.

– Удачи там.

– Спасибо.

В этот день Володя думал, что уснуть ему не удастся, однако многолетние тренировки дали о себе знать. После короткой медитации он вдруг обнаружил, что совершенно спокоен, словно завтра ему предстоит не путешествие в другой мир без шанса на возвращение, а очередная тренировка, которых было множество и будет еще больше. Так стоит ли из-за этого переживать? Спать он лег ровно в десять и уснул почти мгновенно.

Утром он, как обычно, сделал зарядку, принял душ, а потом стал ждать. Делать ничего не хотелось, и мальчик просто сидел на кровати, вспоминая свою жизнь на Базе. Ровно в десять зазвенел звонок коммуникатора, и голос, который мальчик не смог опознать, велел приготовиться к выходу. Володя огляделся. Личных вещей у него тут не осталось, они уже были упакованы и подготовлены к переправе.

Раздался сигнал, и мальчик вышел в холл, где его ждали два медика в биозащитных комбинезонах. Быстро осмотрели его, сняли показания приборов и медицинских сканеров, после чего один из медиков протянул мальчику сумку.

– Переодевайся в спальник и комбинезон и надевай биозащитный костюм. Мы будем ждать у выхода из карантина.

Мальчик кивнул и вернулся в комнату. Здесь он разделся и, достав из сумки, натянул на себя то, что медик назвал спальником. Это были штаны, похожие на детские колготки, которые свободно растягивались, словно резиновые, и после надевания плотно прилегали к телу и такая же «резиновая» футболка с длинными рукавами. Володя посмотрелся в зеркало и поморщился: выглядит ужасно, но сверкать в таком нижнем белье перед всеми он не намеревался.

Разрабатывалось оно специально для мальчика и предназначалось для защиты от разных кровососущих паразитов – именно это аналитики считали наибольшей проблемой в отсталом мире. Ткань спальника благодаря своей пористой структуре позволяла свободно дышать телу, хорошо держала тепло в холод и не грела в жару, но самое главное, из-за плотного прилегания к телу под нее не могла забраться никакая вошь, блоха или клещ. Сам материал тоже представлял неодолимую преграду для комаров, оводов или москитов. Чтобы очистить спальник, достаточно было положить его в воду на несколько часов. В такой одежде свободными оставались только кисти рук, шея и голова. Мальчик еще раз осмотрел себя и фыркнул. Ладно еще цвет нормальный, а то сделали бы розовым… с этих шутников сталось бы…

Володя достал из сумки комбинезон защитного цвета и быстро оделся. Застегнул ремень, проверил крепление пистолетных кобур за спиной. Конечно, не очень удобно по сравнению с креплением на поясе, но место на поясе предназначалось для мечей, а пистолеты планировалось не демонстрировать без лишней необходимости. За спиной же их можно и достать быстро, и не видно из-под плаща.

Сами пистолеты в сумке отсутствовали. Очевидно, их дадут перед самым переходом, зато боевой нож был на месте – привычный и надежный «Катран». Мальчик тут же прикрепил его

к бедру, проверил, как он выходит из ножен, и надежность крепления. Комбинезон тоже сидел нормально. Теперь облачиться в биозащитный костюм и на выход.

В сопровождении медиков мальчик прошел в комнату перехода, где находились еще четыре человека в таких же комбинезонах, а с ними и Александр Петрович.

– Переход стабилен! – услышал Володя доклад одного из техников. – Время функционирования два дня. Расчетное время работы десять дней.

Александр Петрович поманил мальчика к гигантскому экрану. Здесь же стоял и один из ученых. Как только Володя подошел, экран включился.

– Два дня назад мы нащупали этот мир, – заговорил ученый. – Фотографии, которые сделал робот-разведчик, мы тебе пересылали, вот новые.

Фотографии явно были сделаны с высоты птичьего полета. Деревня, люди, лошади, поля… Зоркость разведчиков была такой, что позволяла рассмотреть даже мух на холке коня. Вдали виднелся город. Вот едет какой-то отряд в доспехах.

– Есть еще и фильмы. Мы их тебе сбросили в ноутбук, сможешь посмотреть после перехода. Там много всего интересного. Мы даже начали составлять словарь местного языка, но пока там всего лишь восемь слов. Узнавать язык тебе придется на месте. В ноутбук мы включили лингвистический анализатор.

– Спасибо, профессор, меня обучали с ним работать, – отозвался мальчик, не отрываясь от слайд-шоу фотографий нового мира.

– Ах да, конечно. Как нами установлено, мир находится примерно на уровне раннего Средневековья Земли. То есть до изобретения пороха примерно лет четыреста… если ты, конечно…

– Я не собираюсь устраивать промышленную революцию и не намерен распространять рецепт пороха.

– Очень хорошо. – Профессор продолжил показ. – Мы использовали порядка сотни летательных аппаратов. Уже есть примерная карта территории, куда мы хотим тебя переправить. Совсем экзотические места опустим, там культура слишком уж отличная от той, к которой ты привык, но мы разыскали место, где общество похоже на европейское. «Окно» перемещали по тому миру восемнадцать раз, делая контрольные наблюдения. Высадка планируется здесь.

На экране появился снимок вытянутого острова на средних размеров озере, расположенном в глубине леса.

– Место удобное. Люди здесь не ходят, это видно по состоянию леса, в то же время ближайшее жилье километрах в сорока по прямой. Время на то, чтобы освоиться, у тебя будет.

Володя еще раз просмотрел заинтересовавшие его фотографии, внимательно изучил одежду и людей, дороги. Рассмотрел снимок замка.

– Меня все устраивает.

– Отлично. Тогда мы готовим переход, а ты пока посиди здесь. Как только все будет готово, мы сообщим.

Мальчик сел в явно специально для него приготовленное кресло, рядом пристроился Александр Петрович.

– Что ж… удачи…

Глава 6

К ним подошел один из ученых.

– Прошу прощения, небольшие проблемы, канал нестабильный и пока идти нельзя.

– Это надолго? – поинтересовался Володя.

– По прежнему опыту, на стабилизацию уйдет часа полтора-два. Кстати, в рюкзак первого вброса мы вложили небольшую памятку по использованию канала. Обязательно прочитай.

Рюкзаки первого вброса – тоже термин, появившийся с проектом. Он означал вещи, которые отправляются в новый мир раньше человека. Собирают там самые необходимые для выживания предметы на случай, если после перехода «окно» неожиданно закроется. Такого еще ни разу не случалось, но ученые в массе своей вообще люди осторожные и предпочитают перестраховываться. Даже осторожнее военных.

– Первый вброс уже прошел? – спросил Володя.

– Да. Консервы, оружие, капканы, рыболовные принадлежности… ну, ты должен знать, что входит в рюкзаки первого вброса. И еще чемоданчик от врачей.

– И что мне пока делать?

– А что делать? – Ученый пожал плечами. В защитном комбинезоне это получилось неуклюже. – Ждать, когда произойдет стабилизация. Мы сообщим. Можно, конечно, пока вернуться в карантинный модуль, но это значит, что переправиться ты сможешь только завтра.

– Я подожду, – поспешно сказал Володя.

Пока ученые настраивали канал, Золотов давал последние наставления:

– Обновление организма, судя по нашим экспериментам, происходит сразу после окончания перехода. Таким образом, на той стороне ты уже станешь здоров, но как это проявится, мы не знаем – впервые отправляем кого-либо в таком состоянии. Набор инструментов для тестов мы уже отправили, поэтому сразу, как сможешь, проведи полное обследование и передай нам кровь на анализ… ну, ты сам знаешь, что еще делать.

– Конечно, Юрий Михайлович. Спасибо вам…

– Спасибо будешь говорить, когда станет ясно, что ты здоров. В общем, медицина первым делом, а мы постараемся провести анализ как можно быстрее и передать результат… – Тут он вздохнул. – Еще один момент, о котором я должен сказать… Мы не знаем, навсегда ли ты избавишься от болезни. Вероятность, что ты станешь здоров, очень велика, но есть шанс, что через некоторое время болезнь вернется. Небольшой, но есть. Потому прошу, проводи регулярное обследование…

– Чем мне это поможет, если болезнь вернется? – чуть улыбнулся Володя. – Пусть будет как будет…

– Пожалуй, – со вздохом признал Юрий Михайлович. – Ладно, пойду еще раз проверю все, что мы отправим следом…

– Что ж, раз у нас есть еще полтора часа… – начал Александр Петрович, когда врач ушел. – Скажи, только честно, почему все-таки именно такой мир ты выбрал? Я понимаю, что если цивилизация отстает в развитии от нашей, то там много легче устроиться хотя бы за счет большего объема знаний, но все же твой выбор несколько нетипичен.

– Я не собираюсь работать прогрессором, если вы об этом. – Мальчик равнодушно смотрел на стену напротив. – Всегда считал, что такие действия отдают некоторым высокомерием. В этом вопросе я со Стругацкими категорически не согласен – каждая цивилизация должна идти своей дорогой, совершать свои ошибки и приобретать свой опыт.

Александр Петрович глянул на сидящего рядом мальчика немного озадаченно.

– Знаешь, а ты меня порадовал. Не каждый взрослый понимает это. Выходит, не зря мы тебя обучали.

– Ну и я еще ничего… соображаю.

Полковник усмехнулся:

– Не откажешь. Но ты действительно думаешь, что сможешь остаться незаметным? Ты все-таки человек другой эпохи и даже другого мира. На многое ты будешь смотреть совершенно по-другому. Даже если ты не собираешься привносить какие-то глобальные технические новшества, то идеи привнесешь, даже не желая того.

– Ну и что? Я вот слышал, первые эксперименты с самолетом проводили еще в восемнадцатом веке. Попалось мне одно описание, как крестьянин собрал аппарат и летал на нем. Что там правда – кто знает, ни описаний, ничего не осталось, а первыми все равно считаются братья Райт. Помнят не тех, кто впервые поднялся в воздух, а тех, кто проложил туда дорогу другим. Если какая-то идея или новшество окажутся не ко времени, их быстро забудут, и все вернется на круги своя.

– Думаешь?

– Мне историю хорошо преподавали. При Каннах сражались армии общей численностью больше сотни тысяч человек, а после Рима такую армию собрать и, главное, снабжать научились только в Новое время. В Средневековье армия численностью в две тысячи уже считалась громадной. Я не беру Восток, там свои особенности, Рим же все-таки западноевропейская цивилизация. А бани, канализация? Сколько людей жило в Риме в период его расцвета? В каком веке население городов стало достигать той же численности? Или дороги. Римские дороги служат до сих пор, даже спустя две тысячи лет. Интересно, знаменитые германские автобаны можно будет использовать через две тысячи лет, если за ними не ухаживать? И когда появились первые дороги, близкие по качеству к римским?

– Я не совсем понимаю, что ты хочешь мне сказать этой лекцией? – озадачился Александр Петрович.

– То, что все это реальные достижения, которые существовали столетия, а рассыпались за мгновение по историческим меркам. Слишком сложными были для Средневековья, а я ведь туда и отправляюсь. Я могу многое привнести: дороги, чертежи, канализацию, ну и еще всего разного, но если люди это не примут, то все умрет вместе со мной и разрушится. Монголы создали уникальную военную организацию и систему снабжения. Их логистика опередила время на столетия. Ну и что? Приблизиться к чему-то подобному люди смогли только в девятнадцатом веке, а до совершенства довели американцы во время Второй мировой войны. Они и войну с Японией выиграли не солдатами, а логистикой, уникальный, кстати, случай. Им реально есть чем гордиться.

– Хм… Такого я еще не слышал.

– Это из нашего вечного спора с историком. – Мальчик даже потерял свое внешнее равнодушие и слегка оживился. – Ведь если говорить откровенно, японцы как солдаты превосходили американцев, и даже их оружие первоначально было лучше американского. После же Перл-Харбора численность японского флота тоже превзошла американский. На стороне Америки была производственная мощь, но чтобы она заработала, нужно время, и время необходимо было выигрывать теми силами, что имелись. И американцы с блеском справились с этим. Не мужеством солдат, а отлаженной системой снабжения и профессионализмом инженеров, разработавших систему возведения баз на островах в максимально сжатые сроки. В результате американский флот, уступая в численности не только японскому, но и английскому, проводил в море больше времени, чем и тот и другой, что компенсировало малое количество. И это не позволило Японии в полной мере реализовать свои сильные стороны. Кстати, я бы на месте японцев планировал не только налет, но и захват Гавайских островов.

– Они не хотели вести полномасштабную войну.

– Если планируешь нападение на военную базу другого государства – трудно рассчитывать, что войны удастся избежать. В случае же захвата Гавайев у них на руках появился бы

козырь для торговли, а американским авианосцам, которые находились на учениях, пришлось бы идти на другие базы. В любом случае с потерей этих островов американцам намного сложнее стало бы организовывать свои операции на Тихом океане. Впрочем, как говорил историк, это все разговоры в пользу бедных. Имея доступ к рассекреченным материалам той эпохи, легко рассуждать о том, как надо действовать. Разговор-то у нас не об этом. Вот смотрите, тыловая служба Наполеона рассыпалась после того, как он углубился на территорию России, практически моментально. Из Москвы он не мог нормально общаться даже с частями, стоящими под Смоленском, а уж про Париж лучше вообще молчать. Известие о мятеже в Париже генерала Мале он получил спустя какое время? А монголы умудрились в гораздо худших условиях наладить отличное почтовое сообщение с самыми удаленными уголками своей империи. И расстояния, на которые ехали их курьеры, много больше того, на которое приходилось отправлять курьеров Наполеону.

– Монголам не мешали партизаны.

– Думаете? Ну, пусть так. А какие партизаны мешали французам в тысяча восемьсот пятом году? Ведь если бы осуществился план Кутузова, то французы уже тогда вынуждены были бы есть собственные сапоги, а не после отступления из Москвы. Наполеона спасло только горячее желание императора Александра дать генеральное сражение. Оно ведь приносит больше славы в случае победы, нежели непонятные и незаметные для общества маневры, на которых настаивал Кутузов. Они вели к победе, но не приносили славы, а императорам нужна слава, вот и получили Аустерлиц.

– Похоже, ты хорошо изучил историю. С тобой трудно спорить, да и, честно говоря, я не настолько владею материалом. Так ты думаешь, что любые твои идеи и новшества, если они не ко времени, будут отвергнуты?

– Вернее, забыты на время. Если же мои новшества все же найдут дорогу, скорее всего, окажется, что я просто ненамного опережу кого-нибудь, вот и все. Александр Петрович, ну честное слово, я не собираюсь вести никакой прогрессорской деятельности. И не собираюсь что-то внедрять только ради того, чтобы внедрить.

– Чего же ты хочешь, отправляясь в чужой мир?

Мальчик замолчал. Полковник ждал. Когда он уже хотел переспросить, мальчик ответил:

– Начать жизнь заново.

В такие моменты Александру Петровичу казалось, что он разговаривает не с тринадцатилетним мальчишкой, а с умудренным жизнью стариком. Хотя… если вспомнить его жизнь… Разве можно удивляться, что мальчик никогда не смеялся, а только чуть улыбался? Никогда не шалил. Был всегда серьезным и спокойным, оставаясь таким даже в момент опасности. Полковник вспомнил рассказ Леонида, вернувшегося из очередного учебного похода. Он тогда оттащил его в сторону и долго молчал.

– Скажи, у этого мальчишки нервы вообще есть? – вдруг задал он вопрос. – Он действительно человек?

– Ты к чему ведешь? – удивился Александр.

– К чему? Сегодня был учебный штурм одной горы. Высота не то чтобы большая, но склон отвесный. Володя не совсем правильно закрепился, а куратор просмотрел… растяпа, разговор у меня с ним еще не закончился… но ладно. Короче, крепление вылетело, и мальчик рухнул. Каким образом он сумел ухватиться за камень, до сих пор не пойму. Перепугал всех. А он висит над пропастью на одной руке и даже не дергается. Я наверх, гляжу с вершины… Мальчик поднимает голову и смотрит на меня… не поверишь, но он был совершенно спокоен. Никакой паники, ничего… хотя нет… вот сейчас я думаю… он был скорее равнодушен. Знаешь, словно ему совершенно все равно, что с ним случится. Так вот, поднимает голову и совершенно спокойно спрашивает: «Что мне делать, товарищ майор?» Я сам напуган, думал, уже все, убьется парень, а он… Ну, я ему кричу: держись, мол, сейчас вытащим, а он словно робот

какой: держусь, говорит. Тут ребята притащили страховочный трос, скинули. Когда вытащили парня, он просто отряхнулся и пошел смотреть вырванное крепление, я за ним. А Володя, словно и не висел минуту назад над обрывом, совершенно обыденно спрашивает: «Скажите, что я сделал не так?» Представляешь?

Александр Петрович развернулся и бросился в комнату, ворвался и замер: мальчик лежал на кровати, заложив руки за голову. На шум открывшейся двери он чуть приподнялся, узнал куратора и снова лег.

– Дядя Саш, – вдруг заговорил он. – Я сегодня так испугался…

Вот сейчас Александр Петрович и задавал себе вопрос: кто же из этих двух мальчишек настоящий? Тот, кто оставался равнодушным, вися над обрывом на одной руке, а потом хладнокровно анализируя ошибки, или тот, который таким же равнодушным и спокойным голосом признавался в том, что «сегодня сильно испугался»?

– «Окно» стабилизировалось, – сообщил, подойдя, один из ученых. – Сейчас проведем тест, и если все будет хорошо, можно отправляться.

Володя поднялся и обернулся:

– Прощайте…

– Удачи, Володя…

Мальчик кивнул и стал неторопливо снимать защитный комбинезон.

– Мог бы и раньше снять, – заметил ученый. – Его тебя заставили надеть, чтобы сюда дойти, а мы носим, чтобы наших микробов тебе не передать. Комната же основательно продезинфицирована.

Володя на миг замер. Александр Петрович и сам хотел бы высказать кое-что этим умникам, но благоразумно промолчал. Мальчик тоже удержался.

– Я не знаю здешних правил, и мне об этом не говорили, – нейтрально заметил он.

– Да? Странно, – удивился ученый. – Ну давай, снимай.

Володя быстро избавился от костюма и остался в комбинезоне.

– Оружие. – Александр Петрович кивнул на стол, на котором лежали два пистолета.

Мальчик подошел к ним и привычно проверил оба. Посмотрел, заряжены ли, и спрятал в кобуры на поясе за спиной. Попрыгал, проверяя, не выпадают ли.

Куратор стоял за спиной.

– Я готов. – Мальчик повернулся.

– Да… Еще четыре пистолета в комплекте как запасные, патроны там же. Что еще?.. Мечи… восемь штук, четыре пары. Две рассчитаны на взрослого, то есть на вырост, как и кольчуги.

Мальчик подошел и чуть коснулся его руки.

– Александр Петрович, мы же с вами все это вместе собирали. Я все помню.

– В таком случае оружие держи наготове. Мало ли…

– Все нормально. – сказал очередной ученый. – Только что получен пакет от робота-разведчика. В зоне выхода никаких опасностей не обнаружено. Готовность к переходу две минуты.

Мальчик подошел к трубе, как он называл «окно», и замер. Ученые суетились у приборов, что-то там проверяя и уточняя. Рабочие в таких же защитных комбинезонах подтаскивали к «окну» контейнеры, которые должны отправиться следом, укладывая в строгом порядке по тем номерам, которые были указаны на них. Подошел директор, протягивая пухлый конверт.

– Здесь полный перечень того, что находится в каждом контейнере. Жизненно необходимое уже переправлено. Следующими, – директор кивнул на контейнеры, – идут приборы, метеошары, баллоны с гелием, а дальше то, что тебе понадобится для если не совсем комфортного, то вполне сносного существования.

Директор нервничал, это было весьма заметно… и необычно. Мальчик благоразумно не стал заострять на этом внимание, как и напоминать, что лично участвовал в упаковке всего этого.

– «Окно» готово, – сообщили из-за приборов. – Тридцатисекундная готовность.

– Ну… – Александр Петрович замолчал, потом подошел и обнял мальчика.

Вновь подошел директор… затем еще двое преподавателей. Больше никого, похоже, сюда просто не пустили. Впрочем, со всеми Володя уже успел попрощаться, пока сидел в карантине.

– Десять секунд, приготовиться.

Мальчик отстранился и подошел к трубе, примерился.

– Пошел.

Володя последний раз окинул взглядом помещение, задержался на Александре Петровиче, с легким удивлением отметив у того слезы. Потом решительно отвернулся и нырнул в трубу… Втиснуться удалось с трудом, ощущение было такое, словно в кроличью нору лезешь. Мешали кобуры, Володя уже жалел, что послушался Александра Петровича и полез с ними. И назад уже нельзя. Вылезешь и все – нужно искать новый мир, в этот дорога будет закрыта. Разве что только в виде трупа. Володя протискивался все дальше… дальше… Дышать стало тяжело, тело сдавило со всех сторон. Володя отчаянно рванулся – и тотчас вывалился на траву. Солнце ударило по глазам, мальчик инстинктивно прикрылся рукой, но тут же достал пистолет и, поднявшись на ноги, осмотрелся.

Совсем небольшая полянка, упаковки первого вброса валялись тут и там, выделяясь ярко-красной полосой на боках. Здесь же ездил небольшой, размером с собаку, робот-разведчик, шевеля своими детекторами и приборами на выдвижных штангах. Вот он развернулся и пополз на мальчика. Тот обалдело уставился на робота, не понимая, чего ему вдумалось его давить… потом сообразил и поспешно отошел. Робот подъехал к «окну», замер и выстрелил туда капсулой с очередными данными, которые ему удалось собрать. Затем отправился по своим делам дальше. Мальчик еще раз огляделся, убрал пистолет в кобуру и начал оттаскивать контейнеры в сторону. Расчистив площадь, он достал из кармана специальный медальон и кинул его в слегка подрагивающий в «окне» воздух – сигнал, что добрался благополучно и готов к приему следующих контейнеров. Глянул на часы, уже настроенные на местное время, выясненное роботом-разведчиком. Как объяснили Володе, во всех открытых мирах часы в сутках и дни в году совпадали с земными, что, если принять за данность теорию параллельных миров, было не удивительно… Удивительно было другое – ни в одном из миров очертания материков не совпадали. Так что осталось только поставить правильное время. Итак, десять минут, время пошло. Схватившись за очередной контейнер, Володя поволок его к деревьям. Счастье, что груз больше пятидесяти пяти килограммов в «окно» не проходил. Трудно представить, каким образом можно тащить тонны две.

Контрольное время после перехода прошло, и вот в «окно» выпал контейнер под номером один. Володя поспешно ухватил его за веревочную петлю и оттащил в сторону. Тут же, не давая ему передохнуть, из «окна» выпал второй.

До самого вечера Володя трудился не покладая рук, оттаскивая прибывающие контейнеры. Одни были вполне компактными, другие небольшими по обхвату, но длинными – все их мальчик аккуратно укладывал у деревьев, чтобы они не мешали прибытию следующих грузов.

Перетаскав, наверное, штук двести контейнеров, Володя швырнул в «окно» очередной медальон-сигнал и рухнул на землю. Прибытие грузов моментально прекратилось. С трудом заставив себя подняться, Володя подошел к самому первому контейнеру с красной чертой и огромной цифрой 1 на боку, вскрыл его ножом и достал палатку. Доведенными до автоматизма движениями установил ее, особо не выбирая место, расстелил спальник. Правда, до того не забыл снять показания медсканеров и переправить обратно пробы крови. Впервые за долгое время он ложился спать без ставшей уже неизменной спутницы – боли.

В «окно» снова посыпались контейнеры, уже с другой маркировкой, обозначающей грузы, с которыми можно обращаться не очень осторожно. Мальчик даже не стал оборачиваться, забрался в спальник и моментально уснул – завтра предстояло много дел.

Наутро Володя встал с первыми лучами солнца. Снова взять пробы крови, провести полное обследование организма, переправить результаты и за работу. За ней время шло быстро и незаметно и некогда было тревожиться о результатах анализа, волноваться, успешно ли прошло лечение или нет. Впрочем, судя по тому, что еще ни разу ему не потребовалось обезболивающее, он действительно выздоровел, и в результатах анализов Володя даже не сомневался.

Из-за этого нового ощущения легкости во всем теле и отсутствия боли он расслабился, потому и лег спать вчера, даже не позаботившись о собственной безопасности. Это был явный прокол. Конечно, вряд ли на острове посреди озера водится какой-нибудь крупный хищник, но кто знает. Хорошо, что Александр Петрович не видел его оплошности…

Володя мельком глянул на «окно», которое ученые Базы за ночь перемещали несколько раз, вываливая новые и новые контейнеры. И принялся расхаживать по поляне, выбирая место для научного центра. Наконец, нашел подходящее и начал подтаскивать туда все необходимое. Достал мелкую сетку из нержавеющей стали… дорого, конечно, зато долговечно, а этот критерий был важнейшим при подборе материалов для экспедиции. Раскатал рулон по земле, рулеткой замерил нужную длину и отделил кусачками лишнее. Раскатал рядом еще один рулон и V-образными костылями закрепил сетку на земле. Сверху аккуратно уложил «подушку», собранную из квадратных блоков. Что это за материал, Володя не знал. А вот полы пришлось выкапывать из-под группы остальных упаковок. Наконец достал и их. Опять-таки ради облегчения массы и долговечности сделали их из пластика. Вообще, пластик – основной строительный материал, который переправляли сюда: долговечен, легок, прочен – что еще нужно? К тому же можно изготовить его с любыми нужными свойствами.

Пол делался просто: положить рулон и катнуть его, после чего лишнее отрезать – быстро и удобно. Положить рядом еще один рулон и снова раскатать. Сам пластик пола изготовили «под дерево», и состоял он из нешироких «досок», которые крепились друг к другу стальными тросиками. Пол укладывался специальным приспособлением – натяжной машиной, – вращая ручку, мальчик подтягивал «доски» друг к другу. А дальше оставалось пройтись по нему паяльной лампой. От высокой температуры пластик не горел и внешне даже вроде ничего не происходило, но внутри, где проходил трос, он плавился и тут же застывал. Спекались и места соединения пластиковых досок. Теперь снять натяжную машину, подтянуть следующий тросик и тут же его запаять.

К девяти часам утра в выбранном месте уже возвышалась конструкция, похожая на те кафе, которые возводят на набережных. Правда, используемые в этой конструкции материалы имели повышенную прочность и надежность, но внешне это было незаметно. Володя еще раз осмотрел дело своих рук, проверяя, как все держится и правильно ли собрано. Делал он это скорее для очистки совести, нежели действительно сомневаясь в себе: в последнее время он постоянно тренировался в сборке всех этих конструкций, доводя движения до автоматизма. Ведь чем быстрее он начнет работы, тем легче ему будет здесь жить: больше времени будет у ученых Базы на анализ предоставляемых им данных и, значит, больше рекомендаций дадут ему. В будущем это помещение превратится в склад.

Подкрепившись из саморазогревающейся упаковки – теперь как минимум дней десять это будет его основной пищей, пока не закроется «окно», – Володя приступил к сбору вышки, утыканной параболическими антеннами. Тоже не совсем обычными: из-за ограниченных размеров «окна» их сделали лепестковыми. Когда антенны прикреплялись к вышке, надо было раскрыть эти лепестки наподобие веера и закрепить усилитель, спустить провода и подвести к научному центру. Неподалеку Володя таким же образом подготовил еще одну небольшую пло-

щадку, правда, не ставя никакой «подушки» (для дизель-генераторов это не очень важно), – тоже специальная разработка под проект из-за необходимости укладываться в ограниченные размеры и массу. Как правило, инженеры выходили из этой проблемы самым простым способом – делая все механизмы модульными, ну а дальше даже самый последний идиот мог состыковать их друг с другом. Володя идиотом себя не считал, тем не менее на тренировках отрабатывал все это до мозолей. Вот и сейчас… установить полозья, привернуть к ним электрошуруповертом генератор, потом небольшой дизельный двигатель… Убедиться, что зубцы передачи от дизеля к генератору попали друг в друга… Проверить, как работают амортизаторы, и прикрепить баки, соединить их топливными шлангами. Теперь аккумуляторы – тоже извращение из-за ограничений, – состоящие из нескольких блоков, которые надо соединить друг с другом и прикрепить стартер. Рядом поставить еще один генератор, от него протянуть защищенные провода к научному центру, подготовить там щиток, трансформаторную установку, к которой и подвести провода от генераторов. А над всем этим повесить полог для защиты от дождя.

Теперь затащить внутрь модули основной установки – большие металлические ящики с ручками для удобства переноски, которые надо в строгом порядке устанавливать друг на друга, соединяя модули в единый блок научно-исследовательского центра.

– Советские микросхемы – самые большие микросхемы в мире, – бурчал Володя, водружая очередной ящик на предыдущий. – А это у нас что? А-а-а, дисковый массив, а тут процессорный блок… вроде бы ничего не перепутал.

Володя разложил легкий стол и водрузил на него монитор с клавиатурой и мышью, подсоединил их к собранному блоку, занимающему почти четыре квадратных метра.

– Ну вот, теперь можно попытаться со всем этим взлететь. Надо бы только топливо в генераторы залить.

К обеду мальчик едва не падал с ног от усталости, зато теперь почти все было готово к первому эксперименту. И только тут он заметил, что у «окна» лежит капсула с «Большой земли» – результаты анализов. Внешне сохраняя спокойствие, Володя подобрал ее, вскрыл… руки дрожали. Усилием воли подавив волнение, он развернул лист и углубился в чтение… лист скользнул из руки и плавно опустился на землю… Володя осторожно сел рядом и закрыл глаза. Не верил… до конца не верил, может, потому и держался с таким спокойствием. Но сейчас… пока никто не видит, можно и расслабиться. Он здоров… Конечно, эти результаты еще должны быть подтверждены дополнительным обследованием, после того как заработает основное исследовательское оборудование, но сейчас он по-настоящему поверил, что у него действительно появился шанс начать жизнь сначала – так, как хочется ему.

Поборов волнение, Володя поднялся, заставляя себя вернуться к делам – работа должна помочь успокоиться. Надо надуть метеошар, посмотреть, как идет зарядка аккумуляторов, проверить показания тестовых систем главного компьютера… Еще не забыть пообедать и отправить отчет о проделанной работе. К счастью, работы было много. Хотя поток контейнеров практически иссяк, но они грудами валялись по всей поляне, и необходимо было навести хоть какой-то порядок. Хорошо еще вчера контейнеры первого вброса оттащил в сторону, а то пришлось бы выкапывать их из этой груды.

Тут запиликал сигнал из научного центра, сообщая о завершении проверок всех систем. Володя подошел к метеорологическому шару и выкопал из-под него гондолу с приборами, запустил их и проверил, как идет сигнал от нее на антенну центра. Сбегал к монитору и протестировал сигнал уже оттуда. Убедившись, что все работает, он дал команду на наполнение шара и через прозрачную стену центра наблюдал, как гелий из баллона надувает метеошар. Вот тот оторвался от земли и закачался, удерживаемый якорем. Володя глянул на экран, где показывалось давление в баллоне. Все. Мальчик мышкой нажал «пуск», и метеошар тотчас устремился в небо. Картинка на мониторе сменилась графиками, показаниями приборов. Из

всего этого мальчик знал только высоту, температуру и направление ветра. Впрочем, даже это его интересовало постольку поскольку – для него тут никакой полезной информации не было, а результаты обработки ему потом передадут с Базы. Пока шар поднимался в небо, мальчик принялся за расчистку поляны, оттаскивая все контейнеры к лесу – скоро ему понадобится много места.

Снова сигнал. Володя бросился к монитору. Ага, шар достиг максимальной высоты и больше не поднимается. Мальчик переключил запись с одного винта на другой, подскочил к блоку и вытащил его, тут же заменив чистым из стопки рядом. Вытащенный диск он немедленно упаковал в специально для этой цели приготовленную коробку и помчался к «окну». Чуть ли не швырнул туда этот контейнер. Через пять минут прилетела записка с сообщением, что информация доставлена успешно. Мальчик облегченно вздохнул и отправился стирать резервную копию – места на винтах, конечно, было много, но вовсе не столько, чтобы хранить ставшую уже ненужной информацию. Закончив с этим, Володя принялся распаковывать новые метеошары. Гондола у них была немного другая – большая сфера с прозрачной нижней частью. Внутри виднелась мощнейшая широкофокусная камера для топографической съемки. Поскольку эта гондола была легче и меньше той, что улетела раньше, то и шары здесь были меньшего размера. Разложив шесть десятков таких шаров, мальчик стал нетерпеливо посматривать на «окно». Наконец, оттуда выпали результаты обработки предыдущей информации.

Все, что в ней интересовало мальчика, это указание высот, на которые надо поднять шары для максимально большого охвата территории. Сверяясь с выданной ему таблицей, он принялся настраивать высотомеры на шарах, чтобы те занимали строго отведенную им высоту. Сделав это, Володя подал сигнал к старту. Эти шары уже никто не привязывал и они поднимались сразу, как только наполнялись достаточным количеством гелия. Вот последний оторвался от земли и медленно растворился в небесах. С погодой еще повезло – ни единого облачка, значит, карты местности получатся очень хорошими. Мальчик начал выкладывать очередную партию метеошаров и вводить параметры по высоте. Как его заверили топографы, чем больше будет таких шаров и чем больше раз они пройдут над одной местностью, тем точнее будут карты. И шары эти никто экономить не собирался, в отличие от многих приборов – они были самыми обычными. А уж лететь такие шары могли сотни километров. Главное, ретрансляцию сигнала с них обеспечить. Для этой цели тоже имелись специальные зонды, но пока их время еще не пришло. Впрочем, пока должно было хватить и тех ретрансляторов, которые стояли на самих зондах.

Вслед за второй партией отправилась и третья – последняя. В общей сложности мальчик запустил почти сто восемьдесят зондов, и теперь каждый из них в режиме реального времени пересылал снимки местности. Володя, развалившись в кресле (а что? заслужил! сколько сегодня сделал!), наблюдал за передаваемыми картинками. Правда, зондов было слишком много, чтобы одновременно наблюдать за всей информацией, ну да не беда, и так интересно. Вот дорога, по которой ехали повозки… Город… Мальчик с интересом понаблюдал за жизнью горожан, чувствуя себя чуть ли не господом богом. Он тут сидит, попивает квасок, смотрит, а они там суетятся, каждый занимается своими делами и даже не подозревает, что некто как раз в эту минуту внимательно его рассматривает. Разрешение у этих камер такое, что можно разглядывать даже детали одежды.

Запиликал сигнал, сообщающий, что один винт заполнился и запись пошла на следующий. Мальчик вновь заменил винт на чистый, а вынутый упаковал и отослал на Базу. Вернувшись, Володя переключил канал на информацию от метеозонда и проверил его состояние. Тот медленно плыл на северо-восток… с такой скоростью он покинет зону приема через три часа. Мальчик вернул канал топографических зондов и отправился перетаскивать контейнеры.

Он уже перебросил двенадцать винтов с полученными данными, каждый из которых был размером в семьсот пятьдесят гигов… нехило так отснятый материал. Вот работенку подкинул

социологам и картографам. Ведь, по сути, там целый фильм о жизни совершенно незнакомой цивилизации.

Более-менее расчистив поляну, Володя отправился распаковывать контейнеры первого вброса. Достал мечи и повесил на дерево. Лук… Мальчик ласково погладил его… Лук был уникальным, из синтетического композита со специально подобранными свойствами. Натягивался он вроде бы легко, но распрямлялся очень быстро, из-за чего стрела летела с очень высокой скоростью. Мальчик хихикнул, вспомнив первые опыты.

Я оглядел лук. Темно-синий, сужающийся к краям и расширяющийся у руки. Здесь был сделан удобный хват и даже небольшая подставка для стрелы.

– Отличный лук, – заявил Михаил.

Вместо разработчика лук демонстрировал он, никак с этим делом не связанный. И познаний о предмете у него, похоже, было мало, точнее, касались они только самого лука, а еще точнее, материалов, из которых его изготовили. Как я понял, именно он занимался их подбором. Может, потому и доверили демонстрацию вместо главного инженера.

– Композит, – продолжал Михаил. – Можно годами держать в натянутом состоянии и ничего не будет. Воды тоже не боится. Тетива из синтетических волокон. Смотри.

– А стрела не слишком тонкая для такого лука? – поинтересовался я.

– Какая разница? – удивился Михаил.

Я все-таки не считал себя профессионалом в этой области, хотя и занимался стрельбой из лука с момента, как попал на Базу, потому только пожал плечами. В конце концов, могу я быть и неправым в своих опасениях. Однако оказался прав…

Михаил вскинул лук, с кажущейся легкостью натянул его и спустил тетиву… стрела и в самом деле оказалась слишком тонкой… на такую скорость она точно не была рассчитана. Изогнулась дугой и едва не переломилась пополам… лучше бы переломилась… из-за этого изгиба она полетела не прямо, а в сторону, я вовремя отшатнулся…

– Ложись!!!

Люди на Базе военные и привычные ко всему. Правда, сомневаюсь, что они привыкли к тому, что у них над головой свистят стрелы, но… услышав крик, все, кто находился на поляне, как один попадали на землю – это и спасло. Александр Петрович, когда первое потрясение прошло, вовсю начал костерить незадачливого изобретателя.

– Да не думал же я, что так изогнет стрелу! – взвыл, наконец, тот.

– А должен был думать!!! Инженер хренов! Неужели так трудно посмотреть на нагрузки, которые возникают у стрелы в момент выстрела? Даже мальчик вон сразу сообразил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.